

ВЛАДИМИР
КИРИЛЛОВ

КАЛЕЙДОСКОП

Издательство
Геологический Парус

Владимир Кириллов

Калейдоскоп

«Геликон Плюс»

2013

Кириллов В.

Калейдоскоп / В. Кириллов — «Геликон Плюс», 2013

Пятая книга члена Российского межрегионального союза писателей, действительного члена Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина многожанровая, содержит в себе как прозаическую составляющую – притчи, рассказы, афоризмы и своеобразную трактовку устного народного творчества, так и поэтические произведения лирической, сатирической, философской и гражданской направленности, в том числе тексты песен авторские и в редакторской обработке. Название книги выбрано не случайно: при всей разрозненности и разноплановости представленных текстов автор стремился к созданию целостного, единого восприятия книги, для чего в неё включены некоторые из ранее издававшихся произведений.

© Кириллов В., 2013

© Геликон Плюс, 2013

Содержание

Проза	6
Рассказы	6
Дом, которого не существовало	6
Поездка	15
Бирюк	26
Она приходила по понедельникам	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Кириллов

Калейдоскоп

© В. Кириллов, текст, 2013

© Геликон Плюс, макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Проза

Рассказы

Дом, которого не существовало

1

Почему-то никто не советовал мне покупать этот дом. Наверное, из-за его местоположения.

– Аргументируйте, – попросил я агента.

– Ну, во-первых, он далеко от сколько-нибудь солидных поселений, – замямлил тот.

– Но я и не стремлюсь к тесному общению. Это как раз одно из преимуществ. Для моей работы больше подходит уединение.

– Понимаете, дом расположен, как бы лучше выразиться, не в слишком удачной геологической зоне, как модно сейчас выражаться, – патогенной. К тому же существует опасность оползней и селевых потоков с соседней возвышенности, – продолжал мямлить агент по продаже недвижимости.

– Я не понимаю, почему вместо того, чтобы рекламировать товар, вы стараетесь отговорить меня от покупки.

– А всё дело в том, что по условиям контракта, если в течение трёх месяцев у вас возникнут обоснованные претензии, вы вправе аннулировать сделку, а в этом случае я лишюсь комиссионных. Уже трижды мне пришлось столкнуться с такой ситуацией в отношении дома, который вы выбрали. К сожалению, это потеря как денег, так и времени.

– Не беспокойтесь, я не доставлю вам хлопот, – успокоил я агента, может быть, не совсем обдуманно, но твёрдо.

– Очень бы хотелось верить, – пробормотал он.

В общем, все бумаги мы подписали.

2

Собирался я недолго. Моя кочевая жизнь скопила немного – книги, тетради, пара белья да несессер с предметами личной гигиены. Всё это богатство, плюс минимальный необходимый набор продуктов и мой верный мохнатый друг, было погружено в выдавший лучшие времена внедорожник, чтобы отправиться в сторону новой жизни.

Наш путь пролегал по бескрайней равнине, прошитой добротными асфальтированными дорогами, мимо аккуратных провинциальных городков, однотипных и как будто застывших в своём растянутом, как жевательная резинка, времени, мимо пустынных деревушек, жмущихся к хилым, заросшим камышом речушкам, мимо распаханых, пахнущих терпким чернозёмом полей и бирюзовых заливных лугов с редкими небольшими стадами ленивых коров. Потом пейзаж начал постепенно изменяться, мы добрались до живописных предгорий. Здесь уже встречалось меньше населённых пунктов, и то, как правило, одинокие фермы, разбросанные вдоль просёлочных, плохо укатанных дорог.

Свой дом я определил сразу, он приютился около небольшого озерца, скорее пруда округлой формы, на границе крутого склона довольно внушительного холма и заросшей густым кустарником плоской террасы. В вечернем мареве казалось, что стены расположены не под прямым углом к фундаменту, и вообще создавалось впечатление, что дом несколько оторван от земной тверди. Оптический обман, решил я, глядя на гладь геометрически идеального водоёма. Мой кот, который стоически молчал на протяжении всего путешествия, вдруг жалобно замыкал и начал подлезать под мою руку.

Дорога уходила к правому склону холма, поэтому к моему новому имению пришлось пробираться по девственной траве, никогда не знавшей косы. Машине эта идея не слишком понравилась, но она, переваливаясь с боку на бок, совсем как беременная утка, всё же с грехом пополам добралась до конечной цели нашей поездки. Ни покосившейся ограды, ни тяжёлых металлических ворот, которые рисовались в моём воображении, когда я задумал приобрести жильё на окраине Ойкумены, я не обнаружил, поэтому, подкатив непосредственно к крыльцу, принялся выгружать нехитрый скарб и складировать его под навес, служивший импровизированным гаражом, в то же время мимоходом осматривая принадлежащий мне теперь на правах собственности участок. Неподалеку от дома располагался обещанный вполне пригодный для эксплуатации ангар, за ним виднелся колодец, окружённый какими-то незнакомыми мне растениями, и маячил столб линии электропередачи.

Мне не терпелось попасть внутрь моего новоиспечённого жилища, но я растягивал удовольствие, мысленно представляя его планировку и убранство. Удовольствие оказалось ниже среднего, но тем не менее внутри я обнаружил вполне пристойную картину. Свободного места хоть отбавляй, мебели минимум, причём вся расставлена предельно удачно и пребывает ещё в довольно приличном состоянии. Оставалось лишь разложить вещи да снять многомесячный, если только не многолетний, слой пыли. Но это не сразу. Сегодня я слишком устал. Поэтому, кое-как распахив баракло и, разумеется, покормив кота, я сварил себе кофе, быстро проглотил нехитрый ужин и, не раздеваясь, плюхнулся на кровать.

За неделю, прошедшую с момента новоселья, я настолько привык к своему новому месту пребывания, что временами казалось, будто я живу здесь с самого рождения. Дом быстро становился обитаемым, обжитым и в меру уютным, но, главное, удобным и хорошо приспособленным для работы.

Теперь наконец я смог реализовать свою давно вынашиваемую мечту: развалиться в глубоком удобном кресле посреди комнаты, форточка настежь открыта, на коленях книга, из радиоприёмника льётся тихая классическая музыка, на журнальном столике банка пива и хрустальная пепельница. Я курю сигарету за сигаретой, не спеша, потягивая пивко и думаю ни о чём, что, конечно, вовсе не означает, что я ни о чём не думаю, а просто нахожусь в состоянии, близком к прострации, и интеллектуально отдыхаю. Я знаю, что завтра меня снова ждёт любимая работа, но теперь устраивать себе такой праздник я смогу хоть каждый день.

И так продолжалось до первой грозы, когда весь горизонт обложили тяжёлые тучи, ежеминутно прорезаемые яркими всполохами, а гром отдавался в ушах нескончаемым эхом. Я отключил от розеток все электроприборы и направился на кухню сварить себе кофе. По пути отметил, что кот забрался под кресло и мелко дрожит. Вдруг на середине комнаты я с чем-то или кем-то столкнулся, больно ударившись плечом, отскочил в сторону и долго остоленело пялился в пустое пространство. Потом вытянул руку, будто надеясь, что-то нащупать, и ощутил явное прикосновение. Но в этом месте ровным счётом ничего не находилось. Я замер, задумался, нельзя сказать, что совершенно не испугавшись, но как истинный материалист и научный работник с приличным стажем решил, что неплохо бы сначала оценить ситуацию здраво, а потому медленно и осторожно принялся ощупывать пространство руками. Но так и не смог ничего обнаружить. Тем временем гроза пошла на убыль и вскоре совсем прекратилась. Ещё

недолго я мысленно возвращался к необъяснённому явлению, а потом просто выкинул этот мусор из головы.

Следующее происшествие случилось спустя пару месяцев и совпало с сильным, прямо-таки ураганным ветром, который дул с гор несколько часов подряд, пригибая к земле молодые деревца, вырывая с корнем средние по возрасту и размерам и ломая старые, выдавшие виды могучие деревья. Я сидел в кресле, которое, как обычно, расположил в центре комнаты, прислушивался к гулу разгулявшейся стихии и читал какую-то полухудожественную книжонку. Кот мирно посапывал у меня на коленях, накрытых пушистым пледом, давно привыкнув к тому, что в нашем доме ему ничто не угрожает, и лишь при самых сильных порывах напрягал своё мускулистое тренированное тело, при этом шерсть у него на загривке вставала дыбом.

И тут я явственно услышал голоса. Разговор происходил прямо у меня над ухом. Я не мог разобрать ни одного слова, быть может речь даже не была похожа на человеческую, но очевидно кто-то общался в непосредственной близости от меня. Беседа прекратилась так же внезапно, как и началась, приведя меня в состояние полной растерянности. Мысли разбегались в тщетной попытке хоть как-то свести концы с концами. Я встал, обошёл комнату по периметру, заглянув во все окна и дверь, не обделив вниманием самые укромные уголки. Ничего. Ветер заметно стих, лишь слабо пытался побороться с кустами, но и те почти перестали ему подчиняться. Чего не сказать о моих нервах, которые, наоборот, напрягались всё сильнее, что отнюдь не способствовало мобилизации умственных усилий.

Тогда я впервые и вспомнил про разговор с агентом, который состоялся при оформлении сделки на дом. На что он намекал? Кажется, я могу расторгнуть договор в течение какого-то срока. Порывшись в бумагах, я нашёл этот пункт: три месяца. Как раз подходит оговорённая дата. Но всё-таки, я научный работник, как выражались ещё совсем недавно, не имею права верить во всякую чертовщину и способен сам разобраться с возникшей проблемой. К сожалению, данных для анализа сложившейся ситуации накопилось совсем немного, поэтому я твёрдо решил остаться, а пока ждать, наблюдать и, может быть, поставить необходимые эксперименты. До сего момента мы имеем лишь два факта, не поддающиеся логическому объяснению, причём оба связаны единством места – середина комнаты, и причинами – природные катаклизмы. Галлюцинации и психические расстройства я исключил априори. Я также припомнил, что агент говорил что-то про геологические особенности местности. И я принялся за работу: выписал и изучил тектоническую карту региона, изучил разрывные нарушения и построил розы-диаграммы трещиноватости пород, выходящих в непосредственной близости от моего участка, разобрался с понятием «патогенные зоны». Ничего интересного и важного для расследования. Лишь только начинал моросить дождик или поднимался даже слабый ветерок, я садился в успевшее стать почти членом семьи кресло и превращался в сгусток внимания. За несколько таких сеансов мне удалось зафиксировать пару лёгких прикосновений к лицу, которые скорее можно было отнести на счёт неплотно прикрытой форточки, да промелькнувшую однажды тень, связанную, более вероятно, с перемещениями моего домашнего любимца.

Но вот пришла снова громыхающая на все лады настоящая гроза, когда сквозь задёрнутые шторы я увидел молнию, чудом не заглянувшую к нам в гости, и даже успел поёжиться от неожиданно яркого всполоха. И тут вокруг меня стали происходить малозаметные изменения. На мгновение я прикрыл глаза и сразу ощутил необыкновенную лёгкость во всём теле, я бы даже сказал – пустоту, а когда с трудом размежил веки, то обнаружил себя сидящим на берегу живописного ручья. Тихо журчала абсолютно прозрачная вода, что-то слабо шуршало в ровной голубоватой траве, воздух был свежим, лёгким, но немного, как бы это выразиться, тягучим, а небо отливало бирюзовым оттенком. Рядом со мной во множестве копошились маленькие существа, похожие на наших полёвок, совершенно не обращающие на меня внимания. Я наблюдал за ними и боялся спугнуть. Одно существо подошло поближе и внимательно уставилось на меня своими крохотными глазками-зрачками. Его сложенные, как для поцелуя, губы беззвучно

шевелились. В это же время в бирюзовом пространстве что-то ярко вспыхнуло, я зажмурился, а когда опять открыл глаза, то увидел привычные репродукции, украшавшие стены моей комнаты, а сам я так и сидел в кресле с головой, откинутой на спинку, и руками, вцепившимися в подлокотник.

– Вот это сон, – было первой моей мыслью. Я попытался в деталях воссоздать недавнее видение, но мысли путались, ссорились, насакивали одна на другую и никак не позволяли сосредоточиться. Я встал и поплёлся на кухню за пивом, а может быть, за чем-нибудь и покрепче. Под ногами что-то странным образом заскрипело, и когда я наклонился, рассматривая пол, то увидел несколько ярко-жёлтых песчинок довольно крупного размера. На кухне я выбрал бутылку водки и плеснул себе добрых полстакана. Дом продолжал загадывать загадки.

Более всего удивляло меня то обстоятельство, что погодные катаклизмы в этой местности стали происходить гораздо чаще, чем ранее или в тех районах, в которых мне приходилось жить, да и отличались большей интенсивностью, хотя видимых причин такому явлению не существовало, по крайней мере, по моим представлениям. Не хватало, пожалуй, лишь землетрясений и извержений вулканов. Последовавшие события лишний раз подтвердили, что мне нельзя даже просто подумать о чём-то отвлечённом, потому что мои предположения обязательно сбываются.

Землетрясение не заставило себя долго ждать. Буквально на следующий день я сначала почувствовал лёгкую рябь под ногами, а затем и небольшие толчки, в результате которых слабо подрагивал пол и покачивалась люстра. По уже выработавшемуся рефлексу через какое-то время я оказался в центре комнаты, даже не задумавшись об опасностях сопровождающих приличные баллы. «Совсем как подопытная крыса», – пронеслось в голове. И как раз вовремя. При сильном толчке я подлетел вверх, а когда приземлялся вроде бы на мягкое кресло, почувствовал, что преобольно ударился обо что-то твёрдое и плоское. На сей раз меня окружал типичный предгорный ландшафт, аналогичным которому я часто любовался последнее время, выходя на террасу: пологие склоны холмов, прорезанные сухими логами, заполненными валунами различного размера и галечником, глубоко врезаемые русла ручьёв и щебенчатые осыпи, кустарник, цепляющийся за камни на наклонной поверхности, мох и благоухающий травяной ковёр.

Я потёр ушибленное место и для начала решил немного пройтись. И хотя не замечал видимых препятствий, но явственно ощущал, что передвигаться довольно сложно, как будто идёшь по пояс в воде. Я внимательно осмотрелся. Да, пейзаж был очень знакомым, но чем-то разительно отличался – в первую очередь цветовой гаммой, плюс к тому выглядел совершенно необитаемым, даже диким. Нельзя сказать, чтобы я испугался, но стало совсем не по себе. К тому же, начинало темнеть, и притом довольно быстро. Уже в сумерках я различил фигуру, медленно ко мне приближающуюся. Человек, а это был именно человек, одетый в странный, наподобие тоги, костюм, материя которого потоками ниспадала от его плеч к ногам, обутым в сандалии на очень толстой подошве, двигался в мою сторону, по пути что-то высматривая на земле. Когда он подошёл совсем близко, то предстал в виде благообразного почтенного мужчины с длинной белоснежной бородой и густыми длинными седыми волосами.

– Как вы попали сюда, юноша? – спросил старец. Голоса я не услышал, но смысл вопроса дошёл до меня предельно ясно.

– А куда я попал? – попытался я потянуть время, а заодно и выработать линию поведения. Мелкая предательская дрожь всё-таки немного сотрясала моё тело.

– Не волнуйтесь, – спокойно проговорил собеседник: Не уверен, сможете ли вы полностью понять сложившуюся ситуацию, но у меня создалось впечатление, что способны более-менее разобраться в происходящем. Дело в том...

В этот момент я попытался шагнуть навстречу аборигену... и оказался в своей комнате. Я сидел в пресловутом кресле, и пот струился по лицу, по шее, забираясь за шиворот рубашки, которая уже намочила и прилипла к спине. К тому же ужасно саднила нога.

– Всё. Кончились игрушки, – заявил я вслух. – Пора серьёзно поразмыслить.

И я принялся размышлять. Во-первых, хочу отметить, что по своим взглядам я голый материалист, то есть абсолютно отрицаю существование высших сил, чудес, тайных знаний и прочей сверхъестественной белиберды, хотя согласен с тем, что непознанное имеет место быть, просто оно не объяснимо на современном уровне развития науки, от которой я, впрочем, довольно далёк. Более всего я доверяю своим пяти чувствам и логическому анализу происходящего. А здесь я столкнулся с явлением, которое совершенно не укладывалось в голове и не поддавалось никакой расшифровке. Не сходя с места, в результате природных катаклизмов я вдруг попадаю в явно другую реальность, потом снова возвращаюсь к себе домой. С одной стороны, этого просто не может быть, но с другой стороны...

И тут у меня жутко разболелась голова, почти пропало зрение, резко повысился пульс. Я почувствовал, что теряю сознание. Не помню, сколько времени длилось это состояние, но когда оно прошло, я отчётливо услышал голос белобородого:

– Дело в том, что мы давно наблюдаем за вами. Вы человек, способный рассуждать логически. Как вам известно, а это установил ещё ваш учёный Лобачевский, параллельные линии могут пересекаться. То же происходит и с мирами. На самом деле миров великое множество, и они существуют параллельно друг другу. Правда, некоторые путают их со слоистыми пространствами; эти два понятия, конечно, связаны между собой, но лишь опосредованно. Пространство и время параллельных миров несколько смещены, а некоторые из миров обладают ещё дополнительными, свойственными только им характеристиками. В этом случае они совершенно не похожи, например, на ваш, в них действуют свои законы. Вы можете здесь попробовать разобраться по аналогии с действительным и мнимым, рациональным и иррациональным. Все миры, как и параллельные прямые, могут пересекаться в определённых точках, правда, часто случайных, что в свою очередь и является нашей главной проблемой и головной болью. Нам удалось несколько преобразовать мироздание и практически исключить столкновения или взаимопроникновение мнимых и действительных миров, потому что первые способны поглощать последние – это как вещество и антивещество вашей Вселенной. А ваша Вселенная – одна из самых молодых и быстро расширяется, поэтому всё труднее и труднее предотвращать контакты вашего мира с параллельными. Значит, нам просто необходим представитель вашего мира, способный помочь в решении некоторых проблем, чтобы сохранить хрупкое равновесие мироздания. Это будет очень нелегко. Придётся преодолеть массу трудностей и столкнуться с серьёзными опасностями.

Голос внезапно пропал, и сразу же прошла головная боль. А вернее, она только началась, потому что вы понимаете, что происходит с человеком, когда на него внезапно обрушивается железобетонная плита. Я не большой любитель фантастики, далёк от физики, а приключения предпочитаю переживать на сон грядущий, углубившись в какой-нибудь увлекательный роман.

Конечно, очень лестно, когда тебя приглашают поучаствовать в спасении Вселенной, но как-то боязно и сомнительно, что такое слабое микроскопическое существо, как человек, способно что-либо изменить в мироздании. Однако предложение было получено и ответ держать придётся. Благо ещё есть время, чтобы хорошенько всё обмозговать. Параллельные миры, новые измерения, другие законы – чехарда какая-то получается, особенно для стопроцентного гуманитария! Тогда я представил себя межгалактическим воином в блестящем костюме с аннигилятором или, на худой конец, бластером в руках верхом на машине времени, сражающимся с отвратительными монстрами, закобалившими бесчисленные свободолюбивые планеты. Смех, да и только! Ладно, поставил я точку, утро вечера мудренее, придёт время, разберёмся, как говорится: Бог не выдаст, свинья не съест. И стал терпеливо дожидаться развития событий. Впрочем, они не заставили себя долго ждать.

Буквально через день опять произошла гроза, и я испытанным уже способом оказался в почти родном мне месте. И седобородый тут как тут. Сидит себе на камушке, водит по земле,

или как там она у них называется, палочкой. Когда он повернул ко мне своё лицо, я впервые отметил, насколько оно отличается от привычного облика. Глаза более крупные, однотонные, практически без зрачков, и создаётся впечатление, что из них исходит свет. Но не успел я ещё ничего толком рассмотреть, как в голове у меня возникла фраза:

– Ну вот и славненько, что вы всё-таки решились нам помочь.

Я дёрнулся, как если бы схватился за оголённые провода, но мгновенно успокоился.

– Не волнуйтесь – это всего лишь передача мыслей на расстояние. Очень удобно: ни языковых барьеров, ни затрат времени. Понимаете, параллельные миры – это очень приближённое понятие, которое более или менее отражает суть явления. На самом деле они вовсе не параллельные, а имеют причудливые формы, проникают друг в друга, а иногда, как вы уже знаете, пересекаются. Просто они существуют как бы параллельно друг другу, не смешиваясь между собой и не оказывая особого влияния один на другой. Но в разрезе они действительно напоминают слоистые пространства, где каждому слою соответствует свой мир. Впрочем, довольно заниматься ликбезом, я надеюсь, что в скором времени вы сами во всём разберётесь.

– Но я не совсем понимаю свою роль в этом драматическом представлении и не знаю, с чего начать.

– Начните с начала, юноша: познакомьтесь с иными мирами.

Седобородый поднялся, повернулся ко мне спиной и медленно, как будто нехотя, зашагал по тропинке.

3

А я стоял и ждал, когда же снова окажусь в своей уютной комнатке. Но вместо этого вдруг очутился высоко в горах, один, без всякого специального снаряжения. Мало того, горы были совсем необычными и представляли собой непроходимые отвесные скалы, окружённые пропастями, без какой-либо растительности и уж точно лишённые рукотворных дорог. Я сам размещался на узком уступе, который тянулся вдоль бесконечного склона и на котором едва ли можно было развернуться. Я автоматически посмотрел вниз, и у меня моментально закружилась голова, потому что в паре сотен метров по вертикали располагались лишь плотные облака, похожие на вату, но скорее всего мало приспособленные для мягкой посадки при несчастном случае. Тогда я обратил взор вверх, но ничего хотя бы отдалённо напоминающего вершину не обнаружил, только выщербленная каменная стена, покрытая зеркалами скольжения. Из своего экспедиционного опыта я знал, что, попав в чрезвычайную ситуацию, надо либо сидеть и ждать помощи, либо идти, надеясь исключительно на свои возможности. Я прислонился к холодному камню и глубоко задумался. Седобородый навряд ли протянет мне руку, а более никто не подозревает, чем я здесь занимаюсь, и поэтому придётся довольствоваться собственными силами. Я попытался шагнуть, но не тут-то было. Все мышцы затвердели, и ноги совершенно не слушались. Прошло немало времени, прежде чем мне удалось кое-как развернуться к скале лицом и раскинуть руки так, чтобы приобнять каменную стену. Далее мелкими шажками я начал передвигаться вперёд или назад, как вам будет угодно. Хорошо, что ещё не было ветра или иных атмосферных явлений. Но стоило мне только подумать об этом, как мощный порыв едва не сдул меня с уже ставшего родным уступа, а по голове противно забарабанил мелкий дождичек. Я успел прижаться к камням гораздо крепче, чем к любимой женщине, и продолжил путешествие при помощи скользящих движений. Я уже промок до последней ниточки, но виноват в этом был вовсе не дождь, а липкий пот, который обильно заливал моё лицо и струился по всему телу. Уступ же то немного расширялся, то предательски сужался, но, слава богу, пока существовал. И вот когда я уже увидел возжеленную ровную площадку всего в нескольких десятках метров от себя, дорогу преградило маленькое пищущее создание, похожее на взьеро-

шенного птенца. Я поднял голову и увидел гнездо, как бы приклеенное к породе. Разойтись с детёнышем не было никакой возможности, раздавить его мне не позволяло воспитание, а помочь ему я бы не смог, если бы даже очень захотел. А спасительная терраса – вот она! Не помню, сколько времени и сил ушло на принятие решения, но помню, как изогнулся, словно исполняя акробатический номер, схватил птенца, забросил в гнездо и сорвался в пропасть. Ветер свистел, как Соловей-Разбойник, сердце бухало где-то в районе живота, дыхание останавлилось, обрывки мыслей и воспоминаний проносились с той же чудовищной скоростью, с какой летел я сам. Я закрыл глаза, а открыл их, когда уже сидел в своём любимом кресле, мокрый, грязный, весь изрезанный и разбитый.

Целую неделю я только тем и занимался, что зализывал раны, отдыхал и размышлял о маленьком приключении. Честно говоря, охоту спасти человечество, или цивилизацию, или саму Вселенную у меня основательно отбило при падении, и я решил: пускай всё идёт, как идёт, а там поглядим.

4

И правда, я старался по мере возможности избегать подолгу засиживаться в кресле, особенно когда портилась погода, немного побаиваясь новых сюрпризов, но, как это обычно бывает, как-то утром потерял бдительность и мирно задремал в нём с книжкой в руках.

Проснулся я от того, что стало трудно дышать. Вокруг простиралась гладкая голая песчаная пустыня с редкими пологими дюнами, солнце палило нещадно, так что во рту моментально пересохло. Я осмотрелся и заметил несколько оазисов, расположенных на равном удалении от меня, сразу и не выберешь, к какому направиться. И пошёл наугад. Идти было очень трудно, ноги вязли в сыпучем грунте, одежда приклеилась к телу. К сожалению, выбранный оазис оказался миражом, как, впрочем, и следующие два. Они то приближались, то удалялись, то увеличивались в размерах, а то превращались в колючий кустарник. Эта игра в кошки-мышки быстро надоела, и я твёрдо решил попробовать добраться до зелёной земли в последний раз, а потом просто сесть и ждать у моря погоды. К счастью, выбранная наугад цель оказалась настоящей, и через некоторое время, совершенно выбившийся из сил, я достиг земли обетованной. Наверное, никогда в жизни я не пил так жадно и так много, как в этот раз, опустив лицо в прохладный источник, затенённый широкими листьями громадного экзотического дерева. Когда я наконец утолил жажду и привалился к необхватному стволу, то увидел, что ко мне приблизилась относительно одетая молоденькая девушка с подносом в руках. Девушка выглядела необыкновенно соблазнительно, была пропорционально сложена и довольно миловидна. Её шелковистую кожу покрывал ровный бронзовый загар, а миндалевидные глаза буквально излучали доброжелательность и чувственность. Она предложила мне вино, фрукты и сладости.

– Вы надолго к нам? – спросила шикарная незнакомка.

– Скорее всего, я сам уже не в состоянии определить продолжительность своего присутствия где-либо. А кстати, как называется это благословенное место?

– Территория любви. К сожалению, здесь никто не задерживается надолго. Наверное, из-за неотложных забот. А у тебя есть возлюбленная?

– Была.

– Хочешь, я буду твоей девушкой?

– Но я же совсем вас не знаю.

– Узнаешь, в любви всё познаётся моментально.

Я действительно почувствовал непреодолимое влечение к прекрасной аборигенке. Но стоило мне лишь прикоснуться к её обнажённой упругой груди, как я оказался в пресловутом кресле. Книга сползла с колен на пол, может быть, потому, что всё моё тело сотрясала мелкая

дрожь. Я впервые пожалел, что не могу влиять на пересечения параллельных миров. Теперь я ждал, даже жаждал новых трансцендентных событий.

5

Но в следующий раз я внезапно проснулся на обширной кровати под высоким балдахином, и когда попытался подняться, у меня ровным счётом ничего не получилось. Тело как будто налилось свинцом, мышцы одеревенели и практически не работали. Несколько раз я повторял попытки, но безрезультатно. Тогда я заметил кольца, свисающие с потолка, ухватился за два из них, и ценой невероятных усилий принял сидячее положение. Кровь, отливая от головы, устремилась вниз, я буквально слышал булькающий звук. Наконец я сообразил, что сила тяжести здесь значительно отличается от земной, и брякнулся навзничь. Я лежал и пытался расслабиться. Мысли текли ленивым, постепенно иссякающим потоком, вскоре наступила апатия, лень было даже просто пошевелиться. Сколько времени я находился в таком состоянии, определить было практически невозможно, и я начал осознавать, что нужно что-то предпринимать, иначе мне грозит добровольное заточение на постельных принадлежностях. Гигантским усилием воли я заставил себя открыть глаза и для начала скатиться на пол, но тут же опять оказался в кресле в своём доме. Я моментально вскочил, почувствовав необыкновенную лёгкость, и чуть не упал, потому что ноги отказывались держать моё невесомое тело.

6

Затем наступил длительный перерыв в моих приключениях, в течение которого я непрерывно размышлял о том, что жизнь в других мирах значительно отличается от нашего непростого, но привычного бытия и требует определённой подготовки или качеств, не присущих среднестатистическому человеку. Но в конце концов я стал склоняться к мысли, что всё происшедшее со мной – лишь странный сон или игра больного воображения, ставшая возможной благодаря одиночеству и переизбытку свободного времени. И снова плотно засел за работу, чтобы как можно реже предаваться пустым фантазиям. Седобородый возвращался ко мне исключительно по ночам, а проснувшись, я уже не мог восстановить даже темы наших разговоров. Полностью успокоившись, я стал налаживать привычный быт и опять подолгу просиживал в кресле. А зря. Потому что однажды, глубоко задумавшись, я не успел осознать как оказался на острове, затерянном посреди бескрайнего океана. Это место сразу показалось мне подозрительным, да и как могло быть по-другому, если деревья здесь росли корнями вверх, трава была коричневой, а вода – красной. На зелёном небе уютно расположились сразу четыре фиолетовых солнца, по одному с каждой стороны света. Почва постоянно мелко вибрировала, что, впрочем, не особенно мешало при ходьбе.

На берегу валялись внушительного размера брёвна, которые при моём появлении выпустили из стволов длинные беспалые отростки и поползли к воде. Вообще всё пришло в какое-то хаотическое движение: трава шевелилась, длинные червеобразные насекомые с несколькими парами крыльев вдоль тела поднялись и укрылись в раскидистых корневых системах растений, животные совершенно невообразимого вида потянулись в глубь острова. Каких только тварей способна творить природа! Здесь были и лениво перекатывающиеся огромные глаза со зрачками, и утыканные иголками пирамидки на тоненьких коротеньких ножках, и амёбообразные многорогие страшилища, в общем, форменный бестиарий. Страха эти существа не вызывали, только жгучее любопытство и азарт исследователя. Я постарался поближе познакомиться с некоторыми особями, но успеха не имел – очень уж быстро передвигались представители местной фауны. Я жадно ловил глазами каждую мелочь, пытаюсь запомнить как можно больше подробностей удивительного неизвестного мира. Я разыгрался, как дорвавшийся до

запретного ребёнка: бегал, прыгал, хохотал, свистел, хлопал в ладоши. Со временем попряталось всё живое, и я, уставший от физических нагрузок и массы впечатлений, прилёг на тёплый перламутровый песочек у самой кромки красного моря. Вибромассаж довершил дело, и я вскоре уснул. Проснулся же уже в привычном кресле, бодрый и прекрасно отдохнувший.

7

Я уже практически не сомневался, что следующим этапом будет нечто совершенно экзотическое. И почти не ошибся. Потому что при очередном катаклизме угодил прямоком в безвоздушное пространство. Так вот где мне предстоит спасти цивилизованные миры! Я болтался, как брелок на пальце у бомбилы, вращаясь, словно шарик в рулетке. Наверное, я находился в защитном поле, потому что совсем не чувствовал перегрузок, космического холода и нехватки кислорода. Метеориты и другие мелкие тела облетали меня стороной, а вот от искусственных спутников и летающих тарелок приходилось уворачиваться. Правда последние при приближении ко мне, сигналили, обозначая манёвр. Постепенно я начал привыкать к бронуновскому движению и даже получал своеобразное удовольствие. А какая красота простиралась вокруг! Гигантские звёзды, до которых, казалось, можно дотянуться рукой, светящиеся туманности, хвостатые кометы. Вдруг что-то больно ударило меня в плечо, и я понял, что вовсе не защищён никаким экраном, просто нахожусь в параллельном космосе, где действуют другие законы. Мне стало страшно и одиноко. Никогда в жизни я не испытывал подобной внутренней опустошённости. Среди бесконечного пространства во мне росло ощущение, что я единственное живое существо во всей Вселенной, и приговорён вечно путешествовать по её бескрайним просторам. К тому же ужасно ныло плечо. И что оставалось делать? Собрав оставшуюся волю в кулак, я искал какой-нибудь выход. Решение пришло не сразу: остановить первую попавшуюся летающую тарелку, а там – будь что будет. Но все НЛЮ лишь издевательски подмигивали мне и, опасно лавируя, проносились мимо. Тогда, не теряя присутствия духа, я погрузился в глубокие размышления о мироздании и своём месте в нём, о смысле жизни и о том, как расходую отпущенное мне время... Закончил я свои теоретические изыски, уже сидя в старом добром кресле.

8

В тот день гроза была особенно запоминающейся. Не атмосферное явление, а настоящее светопреставление. Молнии освещали небо целиком, раскаты грома отдавались в ушах и трясли стены дома, как мокрые простыни, даже пол вздрагивал. Кот, конечно же, забрался под шкаф и жалобно мяукал. А я вцепился в ручки кресла, ожидая чего-то сверхъестественного. И ожидания меня не обманули: на сей раз я очутился в потустороннем мире, о чём нетрудно было догадаться.

Со всех сторон лился мягкий неяркий свет, источников которого не было видно. Ландшафт тоже был выполнен в неброских спокойных тонах: салатного цвета зелень, прозрачная голубоватая вода, серые дорожки с упругим грунтом. Всё способствовало успокоению. Медленно и степенно передвигались лёгкие, практически невесомые обитатели самого загадочного из миров, казалось даже, что они не касаются поверхности земли. В основном они ходили парами либо располагались на лужайках небольшими семейками. Ничто не нарушало гармонию соединения живых существ с косной природой. Разве что естественные мелодии падающей воды, застрявшего в кронах деревьев ветра да отголоски далёкого птичьего гомона.

Я стоял на склоне пологого холма, вертел головой во все стороны и испытывал странные ощущения удовлетворённости, умиротворения и сопричастности. Никто не обращал на меня внимания, лишь слегка кивали при встрече и отводили глаза. Но я явственно чувствовал свою

инородность и нежелательность бесцеремонного вторжения. И тут я заметил две знакомые до боли фигуры, двигавшиеся в моём направлении. Пожилая женщина несла в руках полевые цветы, а мужчина смешно пожимал плечами. Да, это определённо были мои родители, не так давно ушедшие из жизни. Я побежал к ним с замирающим сердцем. И споткнулся о своего кота. Кот пронзительно взвизгнул и отскочил в сторону. А я с прерывистым дыханием и потными ладонями стоял, уставившись в одну точку. Какая несправедливость! Ещё чуть-чуть – и я смог бы обнять самых дорогих людей в моей неустроенной, нелепой, безалаберной жизни.

Обессиленный и расстроенный, я опустился в кресло. По щекам текли предательские тёплые слёзы...

9

...Седобородый поднялся с камушка и посмотрел на меня своими умными проницательными глазами с почти прозрачными зрачками, в которых я явственно различал своё отражение.

– Теперь ты понял, что параллельные миры находятся вовсе не вне, а внутри тебя, и чтобы разобраться с ними, нужно сначала познать и понять самого себя? Впрочем, эта истина стара, как мир подлунный. С этого момента ты можешь жить в разных мирах, и жизнь твоя станет более интересной, более насыщенной, более осмысленной, а главное, более необходимой. Потому что в мире всё взаимосвязано: и прошлое, и настоящее, и будущее, и каждый элемент нужен системе, поскольку если убрать хотя бы один элемент или видоизменить его, то получится уже совсем другая система. Я мог бы провести тебя ещё по множеству миров, в одних господствует добро, в других – зло, иные наполнены страхом и ужасами, некоторые жаждой – знаний и открытий, а бывают миры, в которых превалируют жадность, или дикость, или благородство, или тщеславие, да мало ли ещё какие бывают миры, им несть числа. Я надеюсь, что ты сам способен разобраться в мироустройстве и сделать правильный выбор. Удачи тебе в новой жизни!

Седобородый исчез. А я остался. Я собрал свой нехитрый скарб и отнёс в машину. Мне было грустно, а кот радостно мяукал и путался под ногами. А потом сразу запрыгнул в машину, всем своим видом показывая, что ни за какие коврижки уже не покинет салон. А я попрощался с домом. Затем захлопнул входную дверь, оставив ключи в замке, немного постоял, провёл рукой по шербатовой стене и присоединился к моему любимцу и неизменному спутнику жизни.

Внедорожник выкатился на дорогу и направился в сторону города.

Поездка

1

Телефон звонил противно и настойчиво, а я после бессонной ночи никак не мог заставить себя пробудиться. Но всё-таки сполз с дивана, задел пустую бутылку, которая с невообразимым грохотом покатилась под шкаф, доковылял до письменного стола и схватил трубку.

– Алло, папа, алло! – послышался высокий детский голосок, моментально вернувший меня к действительности.

– Да, сынок, слушаю тебя.

– Почему ты так долго не подходил к телефону?

В горле сильно першило, я прокашлялся и ответил:

– Просто сегодня поздно лёг, долго работал.

– А, я так и подумал. Я к тебе по делу, пап. Учительница хочет тебя увидеть.

– Где же мама?

- Нет, она просила прийти именно тебя.
- Что случилось, сын?
- Да я и сам не понимаю.
- Темнишь?
- Правда не знаю. Ты придёшь?
- Конечно. Когда?
- Сегодня, после трёх.
- Сегодня?.. Ну ладно. Где мы с тобой встретимся?
- Давай в три. У школы.
- Забито. Там и поговорим.

Впервые меня вызвали в школу. Что же могло произойти? И не спросил, какая учительница. После бурной ночи трещала голова, было страшно даже мимоходом взглянуть в зеркало. Я посмотрел на часы: двенадцать. Почему вчера не позвонил? Ну конечно, я же сам отключал телефон, чтобы не мешался. Что ж, нужно приводить себя в порядок. Я поставил на плиту чайник. Открыл кран и долго держал голову под струёй ледяной воды. Потом побрился и выпил две кружки крепкого, обжигающего кофе. Теперь можно жить. Я влез в традиционные джинсы и натянул мой любимый издававший лучшие времена свитер. Нет, наверное, нужно одеться более цивилизованно. Со вздохом сожаления расстался с привычной оболочкой и переоделся в костюм. Прихватив сумку, вышел. Времени было более чем достаточно, и я пошёл пешком, в надежде наткнуться на какое-либо заведение общественного питания. К сожалению, ничего лучше пельменной мне не встретилось.

У школы я оказался без пяти три. Сын уже поджидал меня.

- Здорово, троечник!
- Привет, отличник. Как дела?
- Это у тебя дела. Не просто же так твоя учительница захотела познакомиться с твоим незначительным папой. Кстати, как мне к ней обращаться?
- Ирина Владимировна.
- Так что же нужно бабушке Ире?
- Вовсе она не бабушка. Она моложе тебя.
- Хотя бы это радует. И всё-таки что ты натворил?
- Да ничего. Сам не понимаю, зачем тебя вызывают. Честно.
- Ладно, разберёмся. Что у тебя нового?
- Пока всё нормально вроде бы.
- Хорошо, потом поболтаем. Веди меня в свою Alma Mater.
- Что-что?
- Пошли на аутодафе, говорю.
- Вечно ты...

Мы прошли через школьный двор, вестибюль и поднялись на второй этаж. По пути я узнал, что Ирина Владимировна преподаёт литературу и вскоре должна заменить старую классную руководительницу у моего сына. Я постучал в дверь, услышал негромкое «войдите», пропустил вперёд ребёнка и зашёл сам. Класс был просторным, светлым и очень чистым. Вдоль стен стеллажи, над доской портреты писателей, на окнах цветы – очень уютно и даже несколько торжественно. Она встала из-за стола и уже направлялась ко мне навстречу, когда я переключил внимание на неё. И сразу что-то щёлкнуло в моём переключателе. Вроде бы ничего не произошло, но я словно наткнулся на фонарный столб.

– Здравствуйте, спасибо, что нашли время зайти. Меня зовут Ирина Владимировна, – и протянула руку.

– Добрый день. Очень приятно. Александр Семёнович.

Я пожал её руку, тёплую и удивительно нежную.

– Проходите, пожалуйста, присаживайтесь к столу. А Мишенька подождёт нас в коридоре. Ладно, мой мальчик?

И пока Мишка уныло ковылял к выходу, я изо всех сил старался отвести взгляд от учительницы или хотя бы избавиться от наваждения. Что это вдруг произошло со мной? Ничего особенного она собой не представляла. Строгая юбка чуть ниже колен, свободный джемпер, воздушный шарф. Волосы прямые и светлые, правильные черты лица, только рот, пожалуй, немного великоват, серые с голубым отливом глаза. Стандартная учительница. Обыкновенная, довольно молодая, симпатичная женщина. Но в целом её облик создавал впечатление чего-то единого, гармоничного, практически завершённого, как сложившаяся вдруг удачная мелодия. Она, по-моему, несколько смутилась, опустила глаза и повторила:

– Садитесь, пожалуйста.

Неловко пододвинув стул, я сел.

– А я вас представляла совсем другим, когда расспрашивала Мишу. Вы много для него значите, я это сразу поняла и поэтому попросила вас зайти ко мне.

– То есть он ничего не натворил?

– Почему родители считают, что их дети обязательно в чём-то провинились, раз вызывают в школу? Нет, он хороший мальчик, но сложный. Бывает замкнутым, а иногда, мне кажется, даже не очень добрым. И потом, он способный, хотя учится неважно.

– Мне это знакомо.

– Вы участвуете в его воспитании? Точнее, как участвуете?

– Чаще словом. У меня мало свободного времени, но я регулярно с ним общаюсь. Музеи, прогулки, игры – всё как учили.

– Конечно, вы понимаете, что это не главное. Мише сейчас просто необходим близкий контакт, внутренняя связь с вами. Мне кажется, что сейчас с мальчиком что-то происходит. Какой-то надлом.

Я старался как можно меньше смотреть на Ирину Владимировну, правда, не слишком-то хорошо это удавалось. У меня путались мысли, а слова никак не хотели складываться в удобоваримые фразы. Может быть, я просто не о том думал.

Проговорили мы довольно долго. Я больше отвечал на вопросы, лишь изредка мне удалось сформулировать более-менее оригинальное предложение. В конце беседы я пообещал обдумать в спокойной обстановке полученную информацию и, если возникнет необходимость, обязательно ещё раз зайти в школу. «На всякий случай» мы обменялись номерами телефонов и я справился, удобно ли звонить ей домой.

– Да, конечно, – ответила она. – И не жалеете, пожалуйста, времени на сына.

Пока я шёл к выходу, чувствовал на себе её взгляд.

2

Уже давно я привыкла встречаться с родителями моих учеников. Последнее время они не вызывают у меня особых эмоций. Некоторые держатся надменно, вызывающе, другие скованы, третьи ведут себя как у прилавка на рынке. Очень разные люди, за ними так интересно наблюдать, сопоставлять с их чадами, анализировать поведение. И всё-таки моё общение – это просто работа, ещё одна не самая приятная обязанность честно относящегося к своему делу преподавателя. Теперь я перестала систематизировать пап и мам, находить общие черты с детьми, делать далеко идущие выводы. Да и стараюсь не растрачивать нервы на споры и пререкания. Своих забот хватает. Конечно, встречаются и неординарные, оригинальные родители, но чаще спешащие, задёрганные мамыши.

Мишиного папу я попросила зайти больше для порядка, для галочки. Хотя Миша действительно сложный мальчик, а маме порою не до него. Но как только они появились в классе, я

почувствовала какое-то волнение. Я отметила, что отец очень внимательно осмотрелся, а когда увидел меня, явно смутился. Я слабо разбираюсь в подобных тонкостях, но буквально кожей ощутила некое биополе. От этого человека исходили уверенность, спокойствие, сила. Мы проговорили довольно долго, а мне показалось, что обменялись несколькими фразами. Впервые за долгое время мне хотелось говорить и слушать. Меня завораживал тембр его голоса, увлекали интонации, а не сами слова. Я даже не вникала в смысл сказанного, просто ощущала, что мне легко, хорошо, что я отдыхаю душой. А когда он спросил мой телефон, я застеснялась так, словно мне назначают свидание. Странно, но когда он ушёл, я не могла вспомнить ни лицо, ни фигуру, ни одежду этого человека.

3

Я никак не мог сбросить наваждение – Мишкину учительницу. Вроде бы ни о чём серьёзном и не говорили, ничего сверхъестественного она собой не представляет. Правда, женственность чувствуется, как говорят, от корней волос до кончиков ногтей. А в настоящее время очень не хватает именно женственности. И мягкость в облике, в одежде гармонично сочетается с мягким голосом и манерами. И ещё искренняя доброта, глубокая, не искорёженная нашей безумной действительностью.

На третий день до меня дошло, что просто необходимо ей позвонить, что я обязан увидеть её хотя бы один раз, чтобы наконец, избавиться от наваждения. К телефону она подошла сама, кажется, я даже узнал голос, но, искажённый техническим прогрессом, он звучал как-то глухо и неестественно. Не продумав заранее, как построить разговор, я несколько растерялся, когда из трубки донеслось обычное:

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, Ирина Владимировна. Это говорит Мишин папа – Александр Михайлович. Помните?

– Да. Да, конечно.

– Я хотел бы встретиться с вами и поговорить более подробно, если возможно. Когда вы свободны?

– Подождите минутку. Послезавтра вас устроит? Я буду в школе с двенадцати до пяти.

– А не могли бы мы увидеться в другом месте?

Молчание.

– В другом месте? Где?

Особого удивления я не почувствовал, хотя озноб меня слегка поколачивал. Это меня-то!

– Я подожду вас около школы. Погуляем по парку. Согласны?

– Хорошо, но всё же как-то необычно.

– Обычное быстро приедается. В котором часу мне подойти?

– Лучше после четырёх. Я постараюсь пораньше освободиться.

– Договорились. Всего доброго.

– До свидания.

Теперь у меня словно камень с души скатился, голова прояснилась – я снова мог плодотворно работать.

4

Я чувствовала, что он позвонит, и где-то внутри старательно прятала ожидание этого звонка. Но голоса не узнала совсем, да и растерялась ужасно: не предполагала, что предложит встретиться вне школы.

В пятницу утром я встала очень рано, вымыла голову и сушила волосы возле духовки, пока готовила завтрак и собирала Машу в садик. Вечером её обещала забрать моя бывшая свекровь и увезти до воскресенья за город, поэтому я сложила запасную одежду, игрушки и альбомы в дорожную сумку. Потом погладила мой любимый костюм, примерила его и подумала: «Всё-таки какая же я глупая, меня ведь не на свидание приглашают». Переоделась в юбку с кофтой и пошла будить дочку.

В тот день на работе я была несколько рассеянна, даже забыла начало стихотворения, которое собиралась прочесть детям. Да ещё и Валерий – наш математик – подпортил мне настроение: опять приглашал куда-нибудь с ним сходить. Пришлось соврать, и я рассердилась на себя окончательно. Тоже мне девочка-институтка! Но когда после собрания вышла из школы и увидела его на скамейке с книжкой, сразу взяла себя в руки и моментально успокоилась. Было уже двадцать минут пятого. Задержала меня ещё и Машина бабушка: снова звонила на работу, и снова та же тема. Издалека я наблюдала за ним. Он оторвал глаза от книги, посмотрел в мою сторону, но, видимо, ещё не успел переключиться, потому что взгляд был какой-то отрешённый. Вдруг резко поднялся, убрал книжку в сумку и, на ходу застёгивая её, пошёл ко мне навстречу. Он протянул руку и сказал:

– Добрый день.

Я отметила, что рука у него холодная и жёсткая и что он практически одного роста со мной либо создаётся такое впечатление из-за массивности его фигуры. И опять я окунулась в какое-то биополе.

– Здравствуйте. О чём вы хотели поговорить со мной? – Ничего умнее я спросить не могла, интеллектуалка.

– Мне просто захотелось вас увидеть. Я ничего о вас не знаю, а уже несколько дней думаю о нашей предыдущей встрече. Нет, не о педагогических проблемах. Я думал о вас. Может быть, пойдём в парк?

– Пожалуй, хотя это так неожиданно.

Мы шли рядом по малолюдной улице. Мне нравилось идти не спеша после напряжённой рабочей недели, под ещё тёплыми лучами осеннего солнца. Было уютно и спокойно.

– Расскажите, пожалуйста, о себе, – попросил он.

Не знаю почему, никогда не говорю об этом даже с близкой подругой, но я разоткровенничалась. И рассказала, что у меня не сложились отношения с родителями, поэтому я рано вышла замуж, но довольно поздно родила, что давно уже не живу с мужем, хотя он хороший и добрый человек и без вредных привычек, а его мама до сих пор пытается восстановить нашу семью, что работа отнимает у меня массу времени, но я люблю школу и своих учеников, что рядом со мной растёт удивительное прелестное создание, но иногда мне бывает ужасно грустно и одиноко. Я сама себя не узнавала, но за всё время моей невольной исповеди он ни разу не перебил меня и только в самом конце спросил:

– Почему же у вас нет друзей?

– У друзей свои проблемы. А те, кто хотят быть рядом со мной, мне почему-то неинтересны.

Мы подошли к концу аллеи, он посмотрел на часы.

– Знаете, я сегодня не успел перекусить. Здесь недалеко есть приличное кафе, которое мы изредка посещаем с сыном. Вы не составите мне компанию?

Удивительно, но я согласилась сразу, не раздумывая.

– А почему вы ничего о себе не рассказываете? – спросила я.

– Вы не спрашиваете.

Он рассмеялся:

– Если можно, обо мне поговорим в следующий раз. А то я буду чувствовать себя учеником, который отвечает плохо подготовленный урок.

Кафе оказалось просторным и полупустым. По правде сказать, я ужасно давно не посещала подобных заведений. Мы заняли столик у окна. Почему люди всегда стремятся сесть поближе к окну? Скорее всего, чтобы занять себя, когда становится скучно.

– Я совсем не хочу есть, – сказала я, когда он протянул мне меню.

– Тогда я закажу сам. В кафе не едят, в кафе проводят время. Кстати, как вы относитесь к спиртному?

– Отрицательно. Точнее, почти отрицательно.

– Это уже обнадеживает. Хотя я отношусь к нему почти положительно.

Удивительно, но заказ он сделал как будто с моих слов, если не считать коньяка.

– У вас сегодня праздник?

– Праздник, который всегда со мной. Простите. Последнее время приходится много работать, поэтому мне нужен отдых, а я не часто могу позволить себе такую роскошь. Только поймите меня правильно. Сие заведение – не ресторан, вас я совсем не знаю, вернее, теперь немножечко знаю, но вы мне очень импонируете, и я захотел провести с вами немного времени. Конечно, если вы не против. Мне ведь даже было неизвестно, замужем ли вы. Как только намеряете или я сам почувствую, что вам это мероприятие не по душе, я тотчас провожу вас домой. И давайте не говорить сегодня о школе и моём сыне – я ещё не готов к разговору. Вы что-то хотите сказать?

– Можно попросить вас об одном одолжении? – я наконец решилась. – Я хочу сама заплатить за себя... сегодня.

– Хорошо, – он искренне рассмеялся и смеялся так заразительно, что я тоже сначала улыбнулась, а потом уже не смогла удержаться от смеха. – Если вы хотите поставить меня в неловкое положение, пожалуйста. А вообще лучше пригласите меня как-нибудь на чашку чая, и мы будем квиты.

– Ладно, вопрос исчерпан. Я приглашаю вас на чашку чая.

– Ловлю на слове.

Два с половиной часа, которые мы провели за столиком, пролетели как одно мгновение. Я давно уже так не расслаблялась. Сначала говорили ни о чём, потом об искусстве, а в конце, конечно же, о литературе. Я не заметила, как мы подоברались к этой теме, но долго, как обычно, не могла остановиться. И опять он больше слушал, но слушал так, что приятно было говорить. Затем слушала я, потому что то, о чём он рассказывал, для меня оказалось тайной за семью печатями. Я удивлялась, откуда у неспециалиста могут быть такие глубокие знания, но мне было просто интересно и совсем не обидно. И хотелось сидеть так как можно дольше, говорить, и слушать, и смотреть на его лицо.

– Наверное, уже поздно, – вдруг сказал он, посмотрев на часы и прервавшись на полуслове. – Вам не пора домой?

– Да. Нужно идти.

Что я могла ещё ответить? Что два дня буду одна, что сяду за тетради и учебные планы, что займусь муторными хозяйственными делами, что, вполне вероятно, буду выслушивать надоевшие покаяния моего бывшего мужа, придерживая плечом трубку и листая какой-нибудь альбом, что попытаюсь до конца досмотреть скучный фильм по телевизору? Любая фраза могла перечеркнуть такой дивный вечер.

Мы медленно двигались по аллее в сторону моего дома.

– Вон в том шедевре современной архитектуры я и живу, – я показала рукой в направлении спичечного коробка, поставленного на попа.

– Не так уж и плохо. Район зелёный, работа близко. Наверное, дочкин садик рядом.

– На эти выходные мою Машутку забрала бабушка, – почему-то вдруг выпалила я и даже остановилась от неожиданности. И чтобы исправить положение, спросила – Вы любите театр?

– Да. Только редко удаётся выбраться, да и что-то стоящее найти трудно.

- А я очень люблю театр.
- Тогда можно вас пригласить? – Он на секунду задумался. – Прямо сейчас.
- Но сейчас все спектакли уже начались. Мы опоздали...
- Нет. Если вы свободны до воскресенья, то мы как раз успеваем. Завтра утром будем в Москве, вечером – представление, а послезавтра уже дома.
- Я опешила, не могла вымолвить ни слова. Потом медленно стала приходить в себя.
- Вы шутите?
- Разве такими вещами шутят?
- И здесь, как когда-то давным-давно в детстве, во мне рождается маленький бесёнок. Я встряхнула головой.
- Хорошо. Согласна. Только мне нужно зайти домой.
- Конечно. Я подожду вас на улице.
- Ну что вы! Пойдёмте. Выпьем по чашке чая на дорожку. Тем более, что я ваша должница.
- Бесёнок внутри меня веселился от всей души. Было легко, радостно и азартно.
- Я поставила на плиту чайник, объяснила, что и где находится в буфете, и прошла в ванную комнату. Сперва сильная струя душа охладила мой пыл, но пока я растиралась полотенцем и смотрелась в зеркало, окончательно решила: «А почему бы и нет?!» Глаза блестели, кожа ещё сохранила летний загар и капельки воды на ней выглядели как росинки на бархатной траве. Да и тело сегодня мне нравилось: лишнего жира практически нет, складок вроде бы тоже, шрам практически не виден. Я быстро оделась и вышла на кухню. Чай уже был разлит по чашкам, и от него исходил не совсем привычный аромат.
- Что это вы здесь наколдовали?
- Ничего особенного. Просто старый забытый способ заваривания чая. Попробуйте.
- Я готовила бутерброды в дорогу. А он просил меня остановиться, потому что всё можно будет купить на вокзале. Затем собрала сумку и вытащила из секретера записку (сапоги подождут) – мои хилые сбережения. Бесёнок расшалился не на шутку.
- Я готова.
- Тогда в путь.
- Телефон зазвонил, когда я открывала входную дверь. Может быть, это бабушка? Нет, слишком поздно, значит опять Вадим.
- Пусть звонит, – констатировала я.
- Пока мы добирались до вокзала, перебирали названия московских театров, имена ведущих актёров и режиссёров, вычисляли возможные репертуары. А на вокзале произошло первое недоразумение. Я сказала, что никуда не поеду, если он не возьмёт у меня деньги на билет. Но вместо денег он взял меня за руку, посмотрел в глаза и спросил:
- Неужели вы не хотите просто побыть женщиной?
- Ну что я могла ответить!
- Но почему вы должны платить за меня? Разве я ваша... – слава богу я не договорила.
- Дело не в деньгах. Я просто давно хочу побыть мужчиной.
- Мой бесёнок аж запрыгал от удовольствия.
- Ладно, пусть будет так.

5

Удивительное дело – я вдруг почувствовал себя молодым. Долгое затворничество и напряжённая работа постепенно превращали меня в замкнутого, нелюдимого человека. Мне нравилось сидеть за письменным столом, заваленным бумагами, ручками, карандашами, про-

водить часы в кресле с какой-нибудь мудрой книгой или просто думать, полностью сосредотачиваясь на той или иной проблеме. Да и на подъём я стал тяжёлым.

И вот, когда мы встретились в пятницу, я понял, что должно произойти что-то необычное, из ряда вон выходящее. Она опять предстала передо мной исключительно гармоничным созданием, настоящей, стопроцентной женщиной. Такая же неброская одежда, но подобранная с тонким вкусом, так что казалось, будто в этом ансамбле ничего нельзя изменить. Изящная фигура, грациозная походка – нет, все эти определения совершенно не подходили к ней. Наверное, и красивой её можно было назвать с большой долей условности. Но та искра божья, которая присутствует далеко не в каждом человеке, здесь просто светила ярким пламенем. Она представляла собой как бы перспективу внутреннего мира на внешний облик. Доброта, благожелательность, чуткость проступали во всех её манерах, мимике, а, главное, во взгляде. И мне ужасно захотелось сделать ей что-нибудь приятное. К тому же ожидание чего-то фантастического заполнило меня целиком. Но чтобы собраться с мыслями, я предложил ей прогуляться по парку, а потом – зайти в кафе. Истинным удовольствием было разговаривать с ней, слушать её голос, наблюдать за реакцией. В литературе она, несомненно, разбиралась, и за Мишку можно было не волноваться. Только её суждения представлялись слишком академичными, напитанными мыслями из умных книжек, неоригинальных лекций университетских профессоров, аналитических разборов классических произведений. Да и откуда ей знать нутро литературного труда. Наверное, ей удаются неплохие написанные правильным слогом стихи или сентиментальные рассказы. В наше время книжная продукция, к сожалению, столь ограничена, что кроме нескольких скандальных и нетривиальных авторов может предложить лишь прошедшую проверку соцреализмом литературу. Наверное, поэтому я не удержался и позволил себе краткий экскурс в *terra incognita* моих собственных соображений.

Сам не понимаю, откуда пришла ко мне идея с театром в Москве. Быть может, просто не хотелось расставаться с ней в этот чудный вечер, продлить его очарование.

6

Я никак не могла разобраться в своих чувствах и ощущениях. Бесёнок бесёнком, но я всё-таки взрослая женщина, учительница, наконец, мать. Да и подумать не было возможности: всё время о чём-нибудь говорили. Но поехать в Москву с едва знакомым мужчиной – это уже слишком. Хотя порой мне и казалось, что знаю его уже много лет. Я даже не обращала внимание на внешность нового знакомого и воспринимала его целиком, как бывает только – со старыми.

Мы стояли в коридоре вагона у окна. Стало немного прохладно. Он снял куртку и набросил мне на плечи. Впервые его рука задержалась на моём теле, и я почувствовала её тяжесть и силу. Он приобнял меня делаясь своим теплом и спросил:

– Вам холодно?

– Во-первых, я одна, и меня действительно немного знобит.

Он улыбнулся:

– Ты не жалеешь, что поехала?

– Будет видно, а ты?

– Я же сам втравил тебя в эту авантюру. И потом, мне временами кажется, что мы были знакомы когда-то давно, а теперь просто встретились и боимся узнать друг друга.

– Почему-то я недавно думала о том же.

Он внимательно рассматривал моё отражение в окне.

– У тебя интересное лицо. Отражаясь, оно кажется красивым.

Я рассмеялась:

– Значит в реальном мире оно не красивое.

– Ну что ты! Я не мастер делать комплименты, но твоя внешность совершенна. Это не лесть, это – моё мнение.

– Зря стараешься. Я знаю, что отнюдь не красавица.

– Ты же знаешь, что лицо есть отражение души. А в душах я разбираюсь.

– Почему ты всё-таки ничего не рассказываешь о себе, я ведь в полном неведение?

– Завтра, ладно? А сейчас пора спать, нам предстоит трудный денёк.

Легко, как игрушечную, он повернул меня к себе и быстро поцеловал в губы. У меня успела закружиться голова, и я сказала: «Не так». Тогда он крепко прижал меня к груди, погладил волосы и тихо произнёс: «Так я совсем раскисну». Потом чуть отстранился, нежно обхватил лицо ладонями и медленно принялся целовать лоб, щёки, подбородок, пока не прикоснулся к губам. Я закрыла глаза. Время остановилось. Тело расслабилось и не слушалось меня. Я чувствовала только его губы и горячие руки. Закончилось всё так же неожиданно быстро.

– Я ничего не понимаю...

– Ты удивительная женщина, естественная, как сама природа.

– А ты настоящий мужчина. Я не хочу спать, я хочу быть с тобой. А в купе чужие люди, они будут делать вид, что спят, а сами станут подслушивать.

На какое-то время он задумался, затем сказал: «Хорошо. Подожди меня здесь».

Я стояла и смотрела в окно. Внутри меня рождалось тепло, которое постепенно распространялось по всему телу. Он вернулся минут через пятнадцать, а может быть, и раньше – я уже не чувствовала времени.

– Первое купе свободно, и мы можем пока поселиться в нём. Есть даже надежда, что до Москвы нас не побеспокоят.

Он тихо проскользнул в наше законное купе и забрал сумки. А вскоре мы уже сидели друг против друга и разговаривали при уютном слабом свете ночника.

– Уже наступило завтра, помнишь, что ты обещал снять маску со своего лица в этот день?

– Можно сначала я тебя поцелую?

– Разве на это нужно разрешение?

Он пересел на мою полку, и я доверчиво прижалась к нему. Было приятно ощущать его мужицкую силу. По всему телу пробежала лёгкая волна. Я давно отвыкла от близости с представителями противоположного пола и теперь с удовольствием вдыхала специфический природный запах человека, совсем не пользующегося косметикой. Я почти физически ощущала как его уверенность в себе, так и трепетное отношение ко мне. Неизвестно, сколько времени длился наш второй поцелуй, но когда я вернулась к действительности, то есть смогла адекватно реагировать на окружающее, он нежно гладил мои волосы и что-то тихо говорил. Наверное, я всё ещё пребывала в полусознательном состоянии, так как совершенно не разбирала слов, но мне было необыкновенно покойно и чудилось, что поблизости журчит волшебный ручей.

– Я очень верю тебе. Пожалуйста, не обманывай меня, хорошо? – Мне казалось, что я просто подумала об этом, но неожиданно ясно услышала его хрипловатый голос:

– Я никогда не обманываю.

Прижавшись головой к его груди, я ощутила, как к размеренному такту покачивающегося вагона прибавились ритмы часто бьющегося сердца.

– Не в унисон, – рассмеялась я.

7

Мне не хотелось ничего говорить, гораздо приятнее было просто обнимать это чудное создание природы, которое так трогательно доверилось мне, вдыхать божественный аромат, исходивший от её нежной кожи, гладко зачёсанных волос, – естественный, почти не испорченный парфюмом запах. Но я обманул бы её, если бы продолжал молчать.

– А давай я только немного приподниму маску, ведь у нас впереди ещё целая вечность, – проговорил я и тут же почувствовал, как напряглись и сразу расслабились её плечи.

– Целая вечность, – растягивая слова, повторил я. – Мне уже хорошо за сорок, я пере-пробовал массу профессий, много путешествовал, долго жил на Севере, после того как распалась семья, там же отбывал срок.

Она опять напряглась.

– Нет, не бойся, я – не бандит. Просто произошла одна неприятная история: вступился за человека и не рассчитал силы. Две инвалидности – и два года на зоне. Не будем об этом. Сейчас приходится много работать, чтобы наверстать упущенное.

– Я тебе верю, – сказала она и ещё теснее прижалась ко мне.

Сердце заколотилось с такой силой, что я не на шутку испугался за рёбра. Медленно расстегнул верхнюю пуговку на её кофте и замер. В памяти всплыла фраза: «Разве на это нужно разрешение...» Тогда моя рука потянулась к следующей пуговице...

Когда я услышал стук в дверь и пронзительный голос проводницы, то еле разлепил глаза; мне казалось, что я только что уснул. В мозгу вспыхивали яркие образы, уставшее тело пребывало в состоянии сладкой истомы, мышцы и мысли отказывались подчиняться. Надо было быстро собираться, поезд-то ждать не будет. Выходя из вагона, я сердечно поблагодарил нашу проводницу.

– И вам спасибо, – почему-то ответила она.

8

Туман был настолько плотным, что вокруг ничего невозможно разобрать. Казалось, что он обволакивает всё моё существо: тело, мысли, эмоции. Я ничего не видела вокруг, не могла ни думать, ни двигаться, лишь чувствовала твёрдое плечо и мощную руку, влекущую меня сквозь упругое пространство. Только дважды я на мгновение выныривала из этой тёплой нежной субстанции, но затем снова оказывалась в её неодолимой власти. Сколько времени это продолжалось, я бы не решилась предположить, время тоже превратилось в туман. Я не принадлежала себе совсем, я ощущала себя маленькой девочкой в заботливых руках матери, потом щепкой, попавшей в стремительный поток и отдавшей себя на волю неумолимо вращающихся волн, затем куклой в чьих-то добрых ласковых руках. Единственное, что я могла бы утверждать: мне было удивительно хорошо. Но всё когда-нибудь заканчивается. Туман рассеялся, действительность пришла на смену волшебной сказке. Пора было просыпаться, вставать, одеваться, что-то делать, куда-то торопиться. Сначала я не могла даже сообразить, где я, что со мной происходит, но постепенно события начали выстраиваться в логический ряд, по крайней мере, я их уже могла контролировать.

Мы уже спустились с платформы, когда столкнулись с этой женщиной. Высокого роста, эффектная, одетая так, будто только что сошла с витрины модного магазина, она оказалась напротив нас и неотрывно смотрела на лицо моего Саши. Он резко остановился, как будто налетел на непреодолимую преграду, и я явственно ощутила, как напряглась его рука.

– Подожди минутку, – бросил он и устремился в уже открывшиеся к этому времени объятия коварной незнакомки. Крепкий поцелуй, оторвавшиеся от земли босоножки и весёлое кружение пары вокруг оси – последнее, что запечатлелось в моей бедной памяти из этого события. Быстро обойдя счастливую парочку, я устремилась к выходу. Я бежала, как в горячечном бреду, ничего не замечая и натываясь на многочисленных пассажиров. Более-менее пришла в себя, когда далеко позади осталась привокзальная площадь, и только тогда до меня дошёл весь ужас ситуации, в которой я оказалась. Крушение надежд, измена, чужой город. Хорошо ещё, что взяла с собой все свои сбережения и смогу достойно провести так чудесно начавшийся

день и без проблем добраться домой. Наверное, мне просто не суждено встретить человека, с которым я была бы по-настоящему счастлива. Но на данном этапе переживать очередное фиаско, конечно, не имело никакого смысла, ещё успею не одну подушку промочить слезами, а пока лучше погулять по городу, быть может, посетить театр – ведь именно за этим сюда приехала; в общем, расслабиться и получить удовольствие, как моя бабушка говаривала.

9

Когда мы, зачарованные и предвкушающие насыщенный день, вышли из вагона, я вдруг заметил Леру, которую никак не ожидал встретить в Москве. Она бросилась ко мне в объятия, мы поговорили несколько минут, а когда я решил представить ей Ирину, то обнаружил, что её рядом нет. Наскоро распрощавшись, я побежал в сторону выхода с вокзала, проталкиваясь через всё ещё плотную толпу. Только тут до меня дошло, что она могла обидеться, наблюдая столь тёплую встречу. Целый час я барражировал привокзальную площадь, несколько раз возвращался внутрь, расспрашивал милицию и киоскёров, исследовал кассы, но все усилия оказались тщетны. Я ругал себя последними словами, винил во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях, но было поздно. Тогда я составил план действий. Ещё в экспедициях, когда попадал в нештатные ситуации, я понял, что существует только два приемлемых решения: сидеть и ждать помощи или выбираться самому, пока достанет сил. Помощи ждать было неоткуда, поэтому я решил действовать, прекрасно осознавая, что найти человека в этом необъятном городе – идея более чем фантастическая. Но сидеть на месте просто не было мощи. В движении поездов наступил перерыв, а значит, можно было попытаться счастья. Тем более что вполне вероятно посещение театра.

И я приступил к объезду театров, потому что репертуар мы так и не успели изучить, а надеяться приходилось только на удачу.

10

Полдня я в прямом и переносном смысле болталась по городу: гуляла, заходила просто поглазеть в магазины, сидела на лавочках в скверах. Я не слишком жалую Москву, но в хорошую погоду этот довольно зелёный по сравнению с нашим город оставляет благоприятное впечатление. Сначала я хотела вернуться на вокзал за билетами, но решила, что логичнее будет купить горячие места перед самой отправкой поезда либо договориться с проводником. Хотя понятие «логичнее» не слишком подходило ко мне в сложившейся ситуации. Боль постепенно перешла в смятение, потом сменилась на пустоту и шум в голове, мысли путались и разбегались, а ощущения заморозились. Но мне всё-таки удалось успокоиться, отругав себя: а на что ты надеялась, несчастная учителька, романов начиталась, фильмов насмотрелась? Нет, дорогая, жизнь – это жизнь, а искусство есть искусство, только в воображении существуют вечная любовь и рыцари без страха и упрёка. Как раз придя к этому заключению, я увидела его. Не представляю себе, как бы поступила, случись сие раньше или позже, но произошло то, что, вероятно, и должно было произойти. Он стоял около скамейки, почему-то именно стоял, и жевал пирожок, второй пирожок держал в руке. И было в его позе и лице, да и во всей вообще композиции что-то такое, что в который уже раз за сегодняшний день заставило всё перевернуться внутри меня. Нет, не жалкое, а скорее затуманенное, усталое, опустошенное и очень растерянное. Я не сумела не подойти, но про себя решила держаться официально и строго.

Он не сразу заметил меня и не сразу узнал, а когда наконец осознал, кто перед ним, то расцвёл, как майский сад.

– А где же Лера? – спросила я.

– Какая Лера?.. А, жена моего старинного друга. Не знаю, наверное, в гостинице, она в Москве проездом. А куда же ты пропала?

Почему-то мне стало очень стыдно. Я смущённо опустила глаза. По-моему, сказка явно имеет продолжение.

Остаток дня я провела в полусне. Если бы у меня спросили на следующее утро, где я была, какой спектакль смотрела – а мы всё-таки каким-то непостижимым образом попали в Большой, – я бы не сразу сообразила, о чём речь. Я помню только ощущение предельной лёгкости и мягкого тепла.

11

Я вспомнила эту поездку года через три, когда мы плотно повздорили.

Он просто не умел оборачиваться... Разозлившись, он только на мгновение замирал, затем резко разворачивался и уходил, глядя прямо перед собой. И сей ритуал превратился постепенно в принцип. Вот и сейчас, в очередной раз поссорившись «навсегда», он опять шёл, непреклонный, размеренным неторопливым шагом. И хотя каждое движение отдавалось нестерпимой болью в сердце, а голова разрывалась от вопросов: зачем, почему так глупо и обидно? – он заставлял себя смотреть в одну точку, к которой неотвратимо приближался.

А я смотрела ему вслед, и глаза наполнялись слезами. Да, я умела быть неумолимой, твёрдой, безгранично гордой, но сейчас беззвучная мольба, идущая из самой глубины души, охватило всё моё существо. «Обернись, пожалуйста, только посмотри на меня! Один раз. Я побегу за тобой, забуду обиду, боль, непонимание... У нас же всё должно быть хорошо, мы же нужны друг другу, мы любим... Ну обернись!»

И он обернулся.

Бирюк

1

Я познакомился с ним в одном из заполярных аэропортов, в холодном, скрипучем одноэтажном деревянном здании, которое с определённой натяжкой можно назвать аэровокзалом. Я летел на запад, он – на восток, точнее, мы оба ждали свои рейсы. А ждали мы ни много ни мало четвёртые сутки. Привокзальное кафе было заполнено такими же бедолагами, спиртное уже совсем не скрашивало ожидания, и поэтому, прогуливаясь по деревянным мостовым северного посёлка, мы незаметно перешли к откровенным разговорам. Время текло по-арктически медленно, и истории становились всё более занимательными, подробными и насыщенными вроде бы незначительными мелочами. Расстались мы – коллеги по профессии – добрыми друзьями, решили даже, что станем переписываться, но, как это часто случается, с той поры я ничего более о новом знакомом не слышал. Много воды утекло с той поры, поэтому, думаю, что я вправе рассказать поведанную мне историю его жизни до момента нашей встречи.

А жизнь эта поначалу складывалась вполне традиционно, правда, была насыщена бурными и значительными событиями, рассказ о которых я здесь полностью опускаю. Отмечу только, что по профессии он был геологом, по складу характера – философом, что не редкость в среде представителей нашего романтического рода деятельности. Специалистом же числился крепким, хорошо известным и уважаемым в своём кругу. Женился не рано и удачно, предвзительно создав себе имидж сердцеда и верного последователя Казановы. Наверное, такое ровное и успешное существование и привело к тому, что научная работа ему поднадоела, а светская жизнь наскучила. Это состояние совпало и с разладом в семье, связанным как с бес-

конечными экспедициями, так и с его образом жизни – всё свободное время он проводил за письменным столом или размышлениями над вечными, по его определению, вопросами – и с резким ухудшением здоровья. Постепенно любые факторы, отвлекающие его от напряжённого мыслительного процесса, стали раздражать, и он загорелся идеей отшельничества. Но прошли годы, прежде чем ему удалось воплотить навязчивую идею в жизнь.

2

Именно геологическое прошлое позволило Борису Михайловичу быстро обустроиться на новом месте. Леспромхоз за умеренную плату выделил участок на берегу реки и одобрил нехитрый план его облагораживания. Менее года ушло на строительство бревенчатого дома, традиционной для тех мест бани, нескольких нехитрых подсобок, маленького причала, изготовления мебели. Когда всё было готово, он перевёз главное своё сокровище – тщательно отобранную библиотеку, обзавёлся хозяйственными принадлежностями, приобрёл моторную лодку, необходимое снаряжение и снасти. Иногда за товарами и продуктами спускался вниз по течению в посёлок, но старался обходиться тем, что давали лес и река. Общался мало и только по необходимости, большую часть времени проводя за пахнущим свежим деревом самодельным письменным столом.

Минуло три года с начала его добровольного затворничества.

Лето было в самом разгаре, но погода не баловала: дождливые дни сменялись ветренными, и листья на деревьях уже утратили первозданную свежесть. Вода в реке поднялась и почти скрыла перекаты.

И вот однажды Борис услышал голоса именно в тот момент, когда безуспешно пытался сформулировать ускользающую мысль, тяжело вздохнул, встал из-за стола и направился к выходу, всё ещё надеясь ухватить суть вопроса. Но, открыв дверь, понял, что не скоро сможет вернуться к прерванному занятию. К дому поднимались, громко переговариваясь, двое старых знакомых. Гости Алексей и Фима – молодые, бородатые, широкоплечие геологи поднимались тяжело, было заметно, что очень устали.

– Привет, отшельник, – бодро поздоровался тот, что постарше. – Не совсем ещё одичал?

– Здорово, ребятки, не беспокойтесь, пока на людей не кидаюсь. Вы откуда такие замотанные?

– Да встали лагерем километрах в пяти выше по течению, надо бы кое-что уточнить. Сегодня первый маршрут.

– Заходите, чаем напою.

– Михалыч, если приглашаешь, то лучше вечером к тебе нагрянем. В баньке попаримся, посидим без суеты. Устраивает?

– Куда же от вас денешься? Всё одно спокойно поработать человеку не дадите. Заглядывайте, так и быть, парком уж угощу.

– Больше ничего и не требуется, остальное с собой принесём. Только учти, нас трое, в отряде ещё дама числится, сейчас на базе уют наводит. Я знаю твоё отношение к слабому полу, потому заранее предупреждаю.

– От вас, туристов, так и так сплошные неудобства, берите уж свою подругу.

– Вот, Фима, профессиональная солидарность, как я тебе и докладывал. Добро бы хоть путешественниками окрестил, а то сразу обзывается. Ладно, свои люди, сочтёмся.

Ребята повернули назад к реке, а Борис глубоко вздохнул, чертыхнулся и направился к бане. Баня давно приобрела для него особое значение, он относился к ней как к ритуалу, почти священнодействию, со всеми вытекающими из этого последствиями, а также положенными атрибутами. Здесь не существовало мелочей, всё было регламентировано, выверено, доведено до совершенства. Специальные дрова, специальные травы, различные приспособления – всё

было свято и требовало тщательной подготовки. На баню он не жалел даже главного сокровища – своего времени. Кроме того, ещё нужно было успеть собрать на стол, хотя чем можно удивить настоящих полевиков?! А эти парни ему искренне нравились: лёгкие в общении, весёлые, трудоспособные и в то же время вдумчивые исследователи. К тому же не раз помогали ему, доставляя из посёлка разного рода грузы, присылая с материка необходимые для работы книги.

Правда, банный день всегда назначался заранее и совпадал с выходным, то есть днём, когда Борис занимался исключительно хозяйственными делами, давая полноценный отдых голове. На сей раз придётся несколько скорректировать календарь и назначить выходной со второй половины дня, хотя можно ожидать, что к нему наверняка присовокупится добрая половина ночи.

Знакомый звук лодочного мотора застал его за «сервировкой» стола, которая, впрочем, подходила к логическому завершению. Как гостеприимный хозяин, согласно неписанному таёжному этикету, он вышел встречать гостей на улицу. Теперь уже к дому поднимались трое, последней шла девушка. Она выглядела бесформенной в полевой одежде – брюки, заправленные в сапоги, верблюжий свитер; лицо округлое, простое, но миловидное, окаймлённое коротко подстриженными светлыми волосами, глаза живые, с искринкой. Впрочем, всё это Борис отметил гораздо позже, а пока приветливо улыбнулся и пригласил всех в дом.

Ребята достали ежегодные подарки, расположились вокруг стола, предварительно познакомив хозяина с новым членом отряда. Поделились городскими новостями, впечатлениями о полевом сезоне. По традиции решили выпить по одной за встречу, потом попариться, а затем уже основательно заняться напитками и закусками.

Баня – мероприятие, требующее к себе серьёзного отношения, длительное; первыми, конечно, идут мужчины, поэтому, чтобы девушка не скучала в их отсутствие, Борис вынес небольшую стопку книг. Она вежливо поблагодарила, но сказала, что придумает чем заняться.

Часа через три они возвратились, разомлевшие, но бодрые, готовые к праздничному застолью. Аня, именно так звали девушку, заверила, что постарается немного побыстрее, и вышла, прихватив с собой небольшой рюкзачок. Вернулась она значительно изменившейся: посвежевшая, румяная, в придавшем ей женственные формы новеньком спортивном костюме. Веселье было в самом разгаре, но разговоры, как обычно, не выходили за рамки геологической тематики.

Далеко за полночь ребята засобирались, Аня предложила помочь убраться, но хозяин отказался, сославшись на многолетнюю привычку. Сегодня он не жалел об устроенном вне графика выходном, а когда укладывался спать, кроме прочего попытался вспомнить лицо новой знакомой, но, как оказалось, безуспешно.

Прошло около недели. Как обычно, Борис сидел за рабочим столом, когда услышал стук в дверь. На пороге стоял смущённый Алексей.

– Михалыч, дорогой, я знаю, как ты любишь, когда тебя отвлекают, но положение пиковое. Аня заболела, а нам кровь из носа нужно уйти в трёхдневный маршрут. Оставлять одну её никак нельзя, хотя девочка храбрится. Я ей охарактеризовал тебя, рассказал о твоём распорядке дня, она не будет отвлекать, не будет обузой. Дорогой, только три дня, возьми нашу аспирантку к себе.

Борис долго молча смотрел на Алексея.

– Привози.

– Она уже внизу.

– Ну ты и жучара.

– Спасибо тебе. За мной не пропадёт.

– Ты же знаешь, я мзду не беру.

– Сочтёмся, Михалыч.

Фима осторожно вёл больную и нёс объёмистую выучную суму.

Хозяин приготовил постель, в которую заботливо уложил Аню. Выглядела она действительно совсем плохо, надрывно кашляла.

– Чай будете? – спросил Борис, но ребят в комнате уже не оказалось.

– Хорошо бы, – прошептала больная. – Мне очень неудобно за нашу бесцеремонность, но я постараюсь вас не обременять. И лекарства у меня с собой.

Борис присел на край самопальной кровати, опустил руку на лоб девушке. Температура явно была высокой.

– Лекарства хороши, когда нравится болеть. Пойду, затоплю баню, через день будешь как огурчик.

Он поставил чайник на плиту и вышел. Вернувшись, заварил чай, добавив в него сушёных травок, принёс.

– Пей, пока горячий. Пить больше нужно.

Девушка крепко спала. Борис накрыл её ещё одним одеялом и уединился в кабинете. Несколько раз он выходил, чтобы подбросить дров и напоить больную крепким отваром. Пришло время идти в баню. Борис достал полушубок, валенки, зимнюю шапку.

– Всё так серьёзно? – слабо улыбнулась Аня.

– В тайге свои законы и своя медицина.

Даже в предбаннике было довольно жарко.

– Я совсем не умею париться, да и страшновато немного, – призналась девушка.

– Дело наживное, хотя ничего хитрого в этом процессе нет. Я помогу. Завернись в махровую простыню, обязательно надень шапку и посиди для начала на нижней полке. Схожу пока за напитками.

В парилке было сухо, пекло так, что перехватывало дыхание. Аня сидела, нахохлившись, по лицу струйками стекал пот.

– Закалённый полярник жары не боится, – проговорил Борис, забираясь на верхнюю полку. – У тебя какое по счёту поле-то?

– Третье, если не считать студенческих практик. В этом году заканчиваю аспирантуру.

– Ну так ты уже опытный геолог.

– Да, в отряде надо мной тоже издеваются.

– Нет, я серьёзно. Ладно, пока ты совсем не сварилась, займёмся лечебными процедурами. Сначала я тебя напарю, потом в предбаннике насухо вытрешь, попьёшь морса, оденешься и бегом в дом, на плите приготовленный отвар. Выпей и сразу в постель. А я здесь задержусь немного.

– Часа на три?

– Может быть, сегодня быстрее управлюсь.

Борис спустился, высвобождая место.

– Давай, забирайся.

Аня неловко полезла наверх, примостилась на широком полке, плотно закутавшись в простыню.

– Что же мы простыню от простуды лечить будем? – спросил Борис. – Не стесняйся, в бане и на кладбище все равны, тем более я тебе в отцы гожусь.

Девушка лежала не шевелясь.

– А может быть, всё-таки не надо, Борис Михайлович? Неудобно как-то.

– Это дело хозяйское. Моё дело предложить. Если не хочешь быстро выздороветь, тогда давай споласкивайся, но дальше всё по заданной программе. Я тогда снаружи подожду.

Аня медленно принялась высвобождаться из кокона. Без одежды девушка выглядела совсем по-другому: тренированные крепкие ноги, довольно широкая спортивная спина, осо-

бенно на фоне слишком узкой талии, округлые плечи. Фигура в целом стройная и пропорциональная. Борис взял веники и начал священнодействовать.

– Если будет больно или горячо, сразу говори, – предупредил опытный парильщик. – Один веник из свежего можжевельника.

Но девушка молча сносила все «издевательства», ни разу даже не шелохнулась, только вздрагивали напрягшиеся мышцы.

За ужином Аня призналась:

– Я давно не ощущала такую лёгкость во всём теле. Наверное, вы добрый волшебник.

– Нет, просто я прожил долгую жизнь, которая многому научила. Ладно, давай отдыхать, тебе необходимо хорошенько выспаться.

Лёжа в постели, Аня долго думала о приютившем её человеке. Ей казалось, что они давным-давно знакомы. Более всего удивляли его естественность и простота, которые сопровождали и речь, и поступки. От своих сотрудников она узнала немного: что он пребывает в затворничестве уже больше трёх лет, занимается какими-то научными или творческими изысканиями, к которым никого не подпускает, как, впрочем, и к личной жизни, спокойный, уравновешенный, немногословный. Внешность у Бориса ничем не примечательная, а возраст так вообще не определить. Но ей он был чем-то интересен. Аня постепенно заснула и впервые за последнее время проспала всю ночь, как младенец. А проснувшись, почувствовала себя практически здоровой. На столе стоял нехитрый завтрак. Девушка радостно и беззаботно засмеялась.

С аппетитом перекусив, Аня постучала в дверь кабинета, но ответа не последовало, и тогда она вошла внутрь. Комната была небольшой, и свободного места в ней практически не осталось. Вдоль одной стены тянулся длинный широкий топчан, накрытый волчьей шкурой, три другие были заняты открытыми деревянными стеллажами, сплошь уставленными книгами и различными безделушками, вплоть до образцов горных пород. Оставшуюся площадь занимал импровизированный письменный стол из струганных досок, заваленный бумагами и канцелярскими принадлежностями, впрочем, в хаотичности явно прослеживался определённый порядок. Аня успела заметить фотографии в рамках, листы, испещрённые убогим неровным почерком, но, услышав какой-то шум, быстро выскочила из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. Она оделась потеплее и вышла на свежий воздух. Хозяина нигде не было видно, а шум доносился со стороны реки. Девушка побежала вниз, к пристани.

На берегу реки по пояс голый Борис возился с громадным валуном. На необъятной спине, почему-то не выглядевшей таковой в одежде, облепленной комарами, бугрились витые мышцы, капельки пота выступали на бритой голове.

– Доброе утро, – поздоровалась девушка.

– Здравствуй. Почему ты не в постели? Как себя чувствуешь?

– Совсем здоровой.

– Тебе ещё рано расслабляться, возвращайся в дом. Я скоро приду.

– Может быть, нужна помощь?

– Захвати свежую рыбу из ведра.

– Разрешите мне самой её приготовить?

– Конечно, действуй.

Аню разбирало любопытство: почему этот необычный человек поселился здесь, один, чем он занимается, что заставило его выбрать такой образ жизни? Но спрашивать прямо она не решалась, а от наводящих вопросов он грамотно уходил. Да и поговорить толком удавалось исключительно во время совместных трапез. Правда, о её самочувствии он справлялся регулярно и продолжал готовить отвары. Девушка даже немного обижалась и недоумевала одно временно – неужели ему не нужно простого человеческого общения?

И лишь на третий день её незапланированного отдыха, Борис предложил небольшую прогулку. Они спустились к реке, потому что лёгкий ветерок только там хоть как-то разгонял кровососущих насекомых, и неспешным шагом направились вдоль русла. Но и тут диалог непостижимым образом перетёк в умело выстроенное интервью, в ходе которого ей пришлось больше говорить, чем слушать.

А вечером за Аней приехал Алексей.

3

Лето подошло к концу. В начале сентября Борис посетил посёлок. Он уже завершил здесь все необходимые дела, в том числе не забыв удостоить вниманием свою давнюю знакомую из отделения связи, упаковал и уложил груз, когда вспомнил о своём обещании заглянуть на базу геологической партии. Домики на базе пустовали, лишь по территории носился его давний приятель – крупная лайка, – твёрдо знавший свою работу, который встретил его радостным повизгиванием, но поделиться информацией был просто не в состоянии. Пообщавшись с собакой, Борис вышел, закрыл на щеколду калитку и тут же заметил Аню, возвращавшуюся из магазина. Девушка очевидно обрадовалась неожиданной встрече.

– Здравствуйте, Борис Михайлович, какими судьбами? Все ещё в маршрутах, а я одна здесь кукую, причёсываю материалы и работаю над диссертацией. Зайдёте в гости?

Борис задумался. Отказываться, конечно, было не совсем удобно, но дома ждали неотложные дела. Решение, как всегда, пришло само собой.

– Знаешь что, у меня к тебе ответное предложение. Если хочешь, поехали лучше сейчас в мои владения. Тебе всё равно, где заниматься научными поисками, а у меня появилось кое-что необычное. Через несколько дней мне опять придётся посещать посёлок, и я доставлю тебя на базу в целости и сохранности.

От неожиданности Аня растерялась и не могла вымолвить ни слова, но прежде чем способность здраво рассуждать и оценивать поступки начала возвращаться, девушка уже успела согласиться:

– Хорошо. Сейчас соберу быстренько вещи.

По пути на пирс Аня лихорадочно соображала, правильно ли поступила, согласившись на неожиданное приглашение, но её всё больше разбирало любопытство, что же такое экстраординарное появилось во владениях Бориса Михайловича? Только в лодке, стараясь перекрыть шум мотора, она решила спросить:

– Чем же вы хотите меня удивить?

– Скоро сама увидишь.

И она увидела. Когда Борис заглушил двигатель и пристал к пристани, к ним тут же бросилось, издавая нечленораздельные звуки, значительных размеров мохнатое животное.

– Не бойся, но и не трогай, дай ему привыкнуть к тебе. Медвежонок ещё совсем молодой. Ну и иди ко мне, мой хороший.

Зверь для остратки порычал на гостью и сразу переключился на хозяина. Играл он забавно: то смешно поднимался на задние лапы, то носился, неуклюже подпрыгивая, то ластился к мужчине, совсем как маленький ребёнок, при этом постоянно фыркая и мотая кудлатой головой.

– Откуда у вас это необыкновенное чудо?

– Два месяца назад нашёл его в лесу. Мать скорее всего убили какие-то негодяи. В тайге тоже хватает всякого отребья.

Они продолжили бегать по берегу, катались по гальке, боролись и издалека напоминали папу с сынишкой, которые очень привязаны друг к другу и вместе отдыхают на лоне природы.

Аню будто что-то кольнуло, она впервые ощутила, что равнодушна к этому странному человеку, что её тянет к нему, что и ей хочется вот так же весело, беззаботно проводить с ним время.

– Извини, пойдём в дом. Миха просто скучает, когда надолго остаётся один. Лодку я разгружу попозже.

Осень уже вступала в свои права, и хозяин сразу же затопил печку. Девушка пристроилась поближе к огню.

– Борис Михайлович, а почему вы, уважаемый специалист в нашей области, вдруг всё бросили и уехали из города, чтобы жить в полном одиночестве?

– Анечка, этого не объяснить в двух словах. Скажем, мне просто стало неинтересно и скучно.

– Разве может быть неинтересно заниматься наукой? Ведь всегда возможно поменять направление исследований, сферу деятельности, наконец.

– Пока что тебе ещё многого не понять. Наукой должны заниматься люди увлечённые, чуть-чуть, наверное, сумасшедшие, способные ради неё на исключительные жертвы. Я отнюдь не имею в виду присутствующих.

– Хорошо. Работа может надоест, но как же семья, друзья, прекрасный город?

– На определённом этапе жизни человеку необходимо разобраться с самим собой, понять, кто он, зачем появился на этом свете, для чего и как живёт, на что способен. Обычно этими вопросами задаются в юности, но молодость насыщена и другими, более важными проблемами, и подобные вопросы остаются, как правило, риторическими. Только в старости они встают снова и тогда уже требуют конкретных ответов.

– Ну уж, вы на себя наговариваете.

– Ладно, философствовать пристало за вечерним чаем, пойдём посмотрим лучше на ещё одну причину моего приглашения.

Они не спеша поднимались по пологому, покрытому редколесьем склону сопки. Сзади на почтительном расстоянии трусил медвежонок. Ещё издалека Аня увидела подобие загона, в котором мирно пасся олень средних размеров.

– Мы с Михой нашли его в нескольких километрах отсюда. Он повредил ногу и не мог передвигаться самостоятельно. Пришлось тащить его на себе и ремонтировать ему средство передвижения. Первое время я ухаживал за больным, а теперь он основательно окреп, совсем молодец, поэтому я соорудил ему сие временное пристанище. А скоро я выпущу Бэмби на волю.

– Так вы настоящий доктор Айболит, потому и приехали на край ойкумены.

Утром следующего дня Борис ушёл по своим делам, а Аня занялась обработкой и анализом собранных за полевой сезон материалов. В полдень, скорее почувствовав, чем услышав какой-то шум, она выскочила наружу и увидела, как Борис тяжело приподнимается с земли всего в нескольких метрах от входа, а рядом жалобно ревьёт Миха. Подбегая, девушка испуганно закричала:

– Что случилось?

– Сорвался со скалы. Глупо.

Борис говорил с трудом. Одежда на нём была мокрой, изорванной, испачканной в крови. Руки и лицо расцарапаны, в синяках и кровоподтёках. Аня попыталась помочь ему встать, но он отстранил её рукой.

– Я сам. Насилу добрался.

– Тебе очень больно?

– Терпимо. Бывало и хуже.

Уже внутри она спросила:

– Чем тебе помочь?

– Помоги сделать перевязки, а то раны очень глубокие и я два раза терял сознание.

Уже темнело. Борис лежал в большой комнате, закрыв глаза. Губы плотно сжаты, на скулах перекатываются желваки. Уютно потрескивают поленья в печке. Аня сидела за обеденным столом и неотрывно смотрела на лицо Бориса. Дыхание мужчины, сначала прерывистое, с присвистом, постепенно выровнялось, и он уснул. Вдруг Борис застонал, голова замоталась по подушке, тело мелко затряслось. Девушка подскочила и взяла больного за руку. Он крепко сжал её ладонь и мгновенно перестал стонать. Всю ночь она просидела у его постели, держа руку Бориса. Но стоило ей задремать и отпустить её, он снова начинал постанывать. О чём только она не передумала этой ночью. О доме, родных и близких, об учёбе, о друзьях и любимом городе, о науке, о мимолётных, ничего не значащих и ни к чему не обязывающих связях с сокурсниками и сотрудниками. Но больше всего она думала о нём. Она гладила его руку и переполнялась нежностью к этому малознакомому и, казалось бы, ничего не значащему в её жизни человеку и ясно осознавала, что в ней зарождается настоящее большое чувство, чувство, каких она не испытывала никогда ранее, и она испугалась, понимая всю бесперспективность их дальнейших отношений. Лишь под утро девушке удалось немного поспать, положив голову на лежанку.

Проснувшись, она затопила печь и принялась готовить завтрак, периодически посматривая в сторону больного. Обернувшись в очередной раз, она увидела, что Борис лежит с открытыми глазами.

– Доброе утро. Я вижу, что ты уже встала. Сейчас я тоже буду подниматься.

– Лежи, пожалуйста. Я всё сделаю сама.

– Как-то некрасиво получается, когда хозяин заставляет работать дорогих гостей. Да, послушай, представляешь, мне приснилось, что ночью пришла моя мама. Мне было больно и тревожно, но она взяла мою руку, и боль моментально ушла, а я крепко уснул. Мамины прикосновения буквально излечили меня, потому что мама – это мама. А ты выпалась?

– Конечно, у тебя очень удобная кровать.

Как смогла бы Аня признаться, что это не мама, а она всю ночь сидела рядом с ним?!

– Давай сначала сделаем перевязки, а потом я буду кормить тебя.

– Знаешь, я действительно чувствую себя немного беспомощным в твоём присутствии. Я уже и забыл, когда за мной ухаживали.

– Может быть, пока ты практически свободен, расскажешь, чем таким таинственным занимаешься, ведя отшельнический образ жизни?

– О, мы уже на «ты» – это радует, тем паче, что я обязан жизнью своей чудесной спасительнице.

– Ну, это право несколько преувеличено.

– Хорошо, раз мы повязаны моей кровью, я открою тебе страшную тайну. Здесь я размышляю и подробно записываю свои размышления, то есть ставлю над собой некий эксперимент.

– Как знаменитый француз со своими «Опытами»?

– Близко, но не совсем. Монтень был тщедушным человеком, хотя и блестяще одарённым. А я, кроме эпистолярных занятий, изнуряю своё тело физическими упражнениями, зимой купаюсь в снегу, веду здоровый образ жизни.

– И как же называются твои сочинения?

– Я придумал им самое прозаическое наименование – практики. Ведь любые теории тоже проверяются на практике. К тому же в прошлой жизни у меня основательно пошатнулось здоровье, и не только физическое, но и нравственное. Тогда я и решил поставить эксперимент на себе: полностью вылечиться и даже стать здоровее.

– Эксперимент удался?

– Процесс идёт. Становлюсь крепче и физически, и морально. Мало кто бы перенёс вчерашние травмы так стоически, не прими за хвастовство. Через день-два увидишь, я полностью восстановлюсь и смогу отвезти тебя в посёлок.

– Лучше уж через неделю. Да, но какой же это здоровый образ жизни для мужчины в расцвете сил?

Аня смутилась, но старалась не подавать вида.

– Во-первых, ты даже не представляешь, сколько мне лет, просто я хорошо сохранился, а расцвет сил, как ты выразилась, дела давно минувших дней. Во-вторых, если уж до конца быть откровенным, я не тибетский монах и человеческое жильё здесь не за горами, а в пределах досягаемости.

Аня поднялась и медленно вышла из комнаты. Около часа она гуляла вдоль реки, бросала плоские камешки, смотрела на воду и думала. Что она себе возомнила! Внутри нарастала ужасающая пустота, пропасть, на краю которой оказалась девушка, всё больше углублялась и расширялась. Аня решила вернуться, только когда увидела невдалеке подвесной мост, хлипкий, шатающийся на ветру, но явно способный выдержать одну отдельно взятую особу.

Когда она зашла в комнату, Борис спал, мирно посапывая.

– Как на улице, не холодно? – услышала девушка и, резко обернувшись, пронзительным взглядом уставилась на Бориса.

– Можно, я здесь останусь?

– Конечно, дочка.

– Почему дочка?

– Потому что я привязался к тебе, потому что вижу в тебе доброго, умного, порядочного человечка, потому что всегда хотел иметь дочь. Только сначала тебе необходимо защититься, наладить жизнь, а на следующее лето приезжай опять сюда, здесь всегда найдётся чему поучиться молодому кандидату наук.

– Но я хочу быть с тобой... папочка.

– Ты пока сама толком не знаешь, чего хочешь. Всё в мире познаётся в сравнении. И потом, ты должна закончить аспирантуру, стать учёным, найти свою дорогу в жизни, выбрать себе попутчика. Я же не просто ради красного словца назвал тебя дочкой. Я буду помогать тебе во всём, а в ближайшее время – с диссертацией. У тебя будет отличная работа, которой я тоже смогу гордиться. А приехать ты сможешь в любое время, я всегда тебе буду рад. Не спеши с ответом, сперва подумай, о чём я сказал, так будет лучше, поверь мне. И давай не будем возвращаться к этой теме.

– Хорошо. Пора опять заняться перевязками. Я подумаю. Только ответь, ты часто бываешь в посёлке?

– Только по необходимости.

Оставшиеся дни они плотно занимались Аниной работой. Борис внимательно читал, делал пометки и замечания, а потом до хрипоты обсуждали спорные вопросы и защищаемые положения.

Через два дня они уже ходили гулять, навещали Бэмби, аккуратно играли с Михой, подолгу сидели на берегу реки.

Это было самое счастливое время в её жизни.

Прощаясь, уже в посёлке, Аня сказала:

– Мне очень будет вас не хватать, особенно Михи. Но я справлюсь. Ты только пиши мне, ладно?

А в вертолёте девушка расплакалась, горько, безутешно, навзрыд.

4

Письма приходили редко, но зато толстые и очень содержательные. Как любящий родственник Борис Михайлович подробно описывал красоты природы, бытовые мелочи, выходки Михи, как мудрый наставник рассуждал о важных краеугольных проблемах материальной и духовной жизни, как добровольный научный руководитель давал практические и научные советы. Аню сначала немного даже раздражали отточенный слог, правильный образный язык, лёгкий юмор его писем, она жаждала простоты, душевности, непосредственности, искала чувства, пытаясь читать между строк, и иногда даже всхлипывала, особенно над обращением – доченька. Но для себя твёрдо решила выбрать аналогичную линию поведения. Её письма тоже были лишены сентиментальности: строгие, деловые, но лаконичные. Одну лишь вольность позволяла себе каждый раз, узнавала: «Как поживает посёлок?»

В середине весны пришёл пространный отзыв на кандидатскую диссертацию. И тут она не выдержала, задала давно вынашиваемый вопрос: «Можно, я летом приеду с женихом?»

Ответ пришёл в виде поздравительной телеграммы: «Искренне рад. Жду нетерпением».

Аня быстро нашла в своём научно-исследовательском институте смазливый лаборанта, долго уговаривала и наконец уломала поехать с ней в романтическое путешествие, посулив массу интересных впечатлений и материальное содержание.

В посёлке, где Аню уже хорошо знали, ей не составило особого труда договориться с местным рыбаком доставить молодых на катере до места назначения.

Борис Михайлович стоял на берегу, видимо, услышал шум мотора и на всякий случай спустился к реке. У его ног тёрся повзрослевший Миха. Когда катер причаливал, девушка заметила неподдельную радость на лице встречавшего.

– Добро пожаловать на курорт. Миха, не рычи, не узнал, что ли?

– Здравствуй, Борис Михайлович. Привет, косматый. А это мой жених – Валера.

– Очень приятно. Прошу в дом.

Парень несколько смутился и, очевидно, побаивался небольшого медведя.

Аня с замиранием сердца переступила порог. Как будто никуда и не уезжала, так часто вспоминала своё прошлогоднее пристанище. Внутри ничего не изменилось, за исключением лежака, ставшего очевидно шире.

– Это я для молодых соорудил, – но улыбка на лице хозяина получилась какой-то вымученной, что не ускользнуло от внимательного взгляда девушки.

– Спасибо, конечно, но Валера хочет ночевать в бане, если можно. Валера, ты располагайся, а нам нужно поговорить. Пойдёмте, Борис Михайлович.

Они молча поднимались по отлогому склону сопки.

– Кстати, я ещё не поздравил тебя с успешной защитой диссертации.

– Теперь поздравил.

– Какая муха тебя укусила, девочка?

– Не называй меня больше дочкой, ладно?

– Хорошо, раз тебя это раздражает.

– Почему ты нас сразу не выгнал?

– За что? Это же твой выбор.

– Ты знаешь, завтра мы уедем. Я уже договорилась с лодочником. Ты знаешь, что это не мой выбор. Я так мучилась целый год, он показался мне десятилетием. Я так страдала, а ты не написал мне ни одного тёплого слова.

– Я ни разу не был в посёлке.

– Правда?

– Только в магазинах и на почте.

- Можно, я здесь останусь?
- Как пожелаешь.

Она приходила по понедельникам

Первый понедельник

Мы познакомились совершенно случайно. И как водится, до обидного банально. Возвращаясь из магазина в офис, как модно сегодня выражаться, я заметил, что трое молодых здоровенных парней окружили девушку и позволяют излишнюю волю своим рукам. Девушка, очевидно, сопротивляется, но молча и без особого успеха. Я направился в сторону стартующего триллера и, подойдя, посоветовал ребятам решить вопрос посредством переговоров, на что получил откровенное предложение немедленно раствориться в тумане, если правильно перевёл по-спартански лаконичные реплики подвыпивших особей. Нельзя сказать, что я обиделся или оскорбился, но, рассмотрев растерянное беспомощное лицо незнакомки, несколько рассердился. В который уже раз пришлось вспоминать молодость. Амбалы оказались скверно обученными или совсем не обучаемыми, поэтому двое быстро растеклись по асфальту, а один резво скрылся. Подвергшаяся нападению выглядела немного ошеломлённой, но вполне благодарной, а полностью овладев собой, неожиданно произнесла: «Спасибо, конечно, но не стоило беспокоиться, я бы смогла о себе позаботиться».

– Не стоит благодарности, – кивнул я и, подняв полиэтиленовый пакет, зашагал своей дорогой.

– Подождите, – почти крикнула соучастница маловразумительного эпизода и, обогнув шевелящееся на тротуаре бесформенное существо, пошла в мою сторону. Мне пришлось остановиться и подождать даму. В руке у неё я заметил газовый баллончик.

– Этим оружием массового поражения вы собирались остановить натиск неудовлетворённых действительностью юнцов? – не удержавшись, спросил я.

Она торопливо спрятала средство самообороны в сумочку и ответила на вопрос вопросом:

– Вы могли бы проводить меня?

– Разумеется, – как всегда, ответила моя неприхотливая сущность. – Только давайте сначала отнесём продукты, это близко, уже за углом, а то руки заняты... – Я не закончил фразу, уловив определённую двусмысленность, и впервые обратил внимание на девушку, наверное, потому, что улица только на данном участке прилично освещалась.

Выглядела незнакомка действительно на «девушка, можно с вами познакомиться?» Длинные стройные ноги, полуприкрытые мини-юбкой, узкая талия, внушительная грудь и породистое лицо с тонкими чертами, обрамлённое короной коротких, цвета давно скошенной травы волос.

Я распахнул дверь, пропустив вперёд спутницу, извинился и направился к холодильнику разложить съестные припасы.

– Может быть, чаю или кофе? – автоматически предложил, как предлагал всем посетителям скромной конторы, в которой проводил лучшую часть своей жизни.

– А может быть, сразу музыку и потанцуем? – саркастически, но как-то отрешённо произнесла гостья и сразу, как бы опомнившись, исправилась: – Простите, я не хотела.

– Да что уж там, в другой раз, – побито промямлил я, направляясь к выходу.

На улице, наверное, стоило предложить ей руку, но я испугался опять быть превратно понятым. А бояться не стоит ни в каких ситуациях. Потому что не прошли мы и нескольких метров, я даже не успел ещё выяснить, куда мы провожаемся, как она вскрикнула и чуть не

повалилась на меня. Я успел отскочить, повинуясь инстинкту, выработанному годами изнурительных тренировок, но и упасть своей новой знакомой не позволил. Опять всё оказалось до смешного тривиальным: сломался каблук и подвернулась нога. Скорее всего, растяжение, догадался я по тембру голоса. Читать лекцию о безопасной ходьбе и удобной обуви уже не было смысла, так же как и продолжать движение в неизвестном и по времени, и по расстоянию направлении, поэтому я внёс на рассмотрение проект, не подкупающий своей новизной: мы возвращаемся ко мне на работу, пьём чай или ужинаем, потому что я с утра ничего не ел, потом или сначала я оказываю ей первую медицинскую помощь, если она в моих силах и компетенции, а в конце мы вырабатываем план дальнейших действий, танцы, само собой, исключаются. Последнее поминать не стоило, даже учитывая мой несносный характер, девушке действительно не по себе и явно больно, достаточно было лишь взглянуть на её лицо. Но, похоже, другого варианта у неё не было, поэтому она отдала мне пострадавшую туфлю, подогнула ногу, закинула руку мне на шею и попрыгала в такт с моими шагами в обратном направлении. Мне лишь осталось легко поддерживать её за талию. Передвигаться было удобно, так как при непосредственном близком контакте обнаружилось, что я прилично ниже, но зато много шире.

В кабинете я усадил её в своё любимое кресло. Лодыжка и правда основательно распухла.

– Для одного вечера у вас слишком много приключений, – посочувствовал я. – Сейчас всё подготавливаю для медицинского вмешательства, а вы пока снимите колготки.

Я вышел в коридор и плотно закрыл дверь, из перевязочного материала нашёл только эластичные бинты для обматывания кистей рук под боксёрские перчатки, зато обнаружил фирменную мазь и наполнил ведро холодной водой. Затем деликатно постучал и услышал приглушённое: «Войдите».

Присев перед креслом, я осторожно прощупал ногу, гладкую, мускулистую, с почти атласной кожей, проверил связки и суставы и порекомендовал для начала просто поддержать её в холодной воде, а сам занялся приготовлением нехитрого ужина, извинившись за стандартный холостяцкий набор продуктов. Девушка сидела с закрытыми глазами и напряжённым выражением лица: губы плотно сжаты, скулы неестественно выпирают. Невольно подумалось, что её не портят даже несколько великоватый подбородок и чуть выступающие скулы.

Сервируя журнальный столик, я обдумывал линию дальнейшего поведения. На этот вечер я отнюдь не планировал репетиции драмкружка, а собирался плотно потрудиться, но, очевидно, мои проекты должны были остаться лишь благими намерениями, потому что помощь пострадавшим, даже если они молоды и привлекательны, является священным долгом и первоочередной обязанностью мужчины, считающего себя настоящим.

– Я не спрашиваю вашего имени, это, быть может, неэтично в создавшейся ситуации, но как мне к вам обращаться?

– Знаете, что-то мне не до шуток. Впрочем, если вам угодно, можете называть меня Прекрасной Незнакомкой или Спящей Красавицей, но чаще меня зовут Алёной.

– Очень приятно. У меня тоже несложное имя – Александр... Владимирович. Кстати, не хотите ли чего-нибудь выпить для поднятия тонуса?

– К сожалению, я не смогу ещё танцевать.

– Это звено мы можем безболезненно исключить из логической цепи. Так что предпочитаете?

Она задумалась всего на несколько секунд.

– «Бейлис».

– К несчастью именно «Бейлиса» нет, но ликёр предложить могу, из Эстляндии.

Для начала я помог госте освободить ногу из ледяной воды, тщательно, но аккуратно протёр, намазал чудодейственным средством и плотно перевязал. В течение всей процедуры больная всего пару раз вскрикнула и дважды совсем не больно постучала меня по плечу. Потом

я придвинул к креслу столик с нехитрой снедью и разлил по стаканам напитки. Себе я по традиции плеснул на три пальца водки.

- Это серьёзно, – не то удивилась, не то восхитилась Алёна.
- Нет, вполне буднично, зато стресс снимает моментально.
- А у вас-то откуда стресс?
- Ну как же, я надеялся сегодня плодотворно поработать...
- Хорошо, я немного поужинаю и немедленно освобожу вас от своего присутствия.
- Именно в этом и заключается стрессовая ситуация, теперь я не способен трудиться.

Учитывая состояние моей гостьи, я не особенно докучал ей разговорами, и мы насыщались молча, не слишком злоупотребляя спиртными напитками. За кофе она осведомилась, когда мне нужно уходить домой. Я, в свою очередь, успокоил или, наоборот, озадачил её, сказав, что сегодня планировал остаться в конторе на ночь. Тогда она попросила разрешить ей немного отлежаться на диване. Шутить на эту тему мне показалось неуместно, и я ограничился кивком головы и предложением принести плед.

- Скажите, а где вы научились так драться?
- Перед телевизором. В точности выполнял все движения то ли ван Дамма, то ли Брюса Ли.
- Очень хотелось сниматься в кино?
- Нет, просто подозревал, что когда-нибудь придётся спасать Прекрасную Незнакомку от лап разнузданных разбойников.
- Теперь мечта, по-видимому, сбылась.
- Мечта – это нечто воздушное недостижимое, а осуществляется лишь объективная реальность. Ладно, давайте отдыхать.

Утром, удостоверившись, что с ногой всё более или менее в порядке, я с чувством выполненного долга распрощался с девушкой, пожелав ей в дальнейшем избегать таких щекотливых ситуаций. Она искренне поблагодарила меня за помощь и приют, пожаловалась на отвратительный сон и уже в дверях пожелала трудовых успехов.

Второй понедельник

Вечером через две недели, когда следы забавного происшествия почти совсем стёрлись из моей цепкой памяти, исключая, конечно, длинные стройные ноги с атласной кожей, я по обыкновению сидел на работе, занимаясь переливанием из пустого в порожнее; внезапно раздался раздражающий писклявый звонок, заставивший меня, как всегда, вздрогнуть от неожиданности. Кто же это в такое время посмел отрывать делового человека от важных дел?! Но открывать я всё-таки пошёл, на ходу наполняясь праведным гневом и постепенно входя в образ сторожевой собаки. И вот распахиваю дверь, полностью готовый «спустить Полкана», и натыкаюсь на те же ноги, только ещё более длинные из-за более короткой юбки. Скорее всего, выглядел я несколько необычно, потому что гостья сначала испуганно отпрянула, а потом рассмеялась.

- Извините, Александр. Я, наверное, не вовремя.

Хорошо, что мне не привыкать мгновенно брать себя в руки и здраво оценивать ситуацию.

- Нет, что вы. Я как раз с нетерпением ждал вашего визита. Следовало только заранее позвонить, чтобы я смог подготовить достойную встречу.
- Не стоит беспокоиться. Я просто проходила мимо и решила зайти, поблагодарить за участие ещё раз.
- Пустяки. Проходите, раздевайтесь.

Впрочем, второе предложение выглядело явно неуместным, так как снимать девушке было практически нечего. Стандартная фраза несколько двусмысленна, но, как говорится, слово не воробей.

– Можно, я всё-таки останусь в одежде?

– Разумеется, как вам будет удобнее. Что-нибудь выпьете?

– Чаю, если вас не затруднит. Честно говоря, у меня назначена встреча, и, если это возможно, я хотела бы провести некоторое время у вас.

– Встречу вы тоже планируете провести в моём кабинете? Прошу прощения, я пока весь в своих мыслях. Располагайтесь, сейчас приготовлю чай и включу музыку.

– Музыка – это, пожалуй, лишнее. Давайте я посижу тихонько, не хочу вас отвлекать.

Алёна со всеми своими ногами забралась в кресло. Я поразился, как ей это удалось, но кресло только довольно жалобно скрипнуло, быть может, от удовольствия и больше не издавало ни звука. На секундочку я тихо позавидовал ему чёрной завистью, а вслух произнёс:

– Что вы, вы мне нисколько не мешаете, рабочий день давно закончился, и я немного расслабляюсь.

– А почему вы не идёте домой?

– Потому что дома опять придётся напрягаться.

– Вы давно женаты?

– Как вы догадались? – вопросом на вопрос ответил я, рассматривая пальцы, лишённые каких-либо колец и перстней.

– Мужчины вашего склада редко остаются холостяками.

– Интересно, что вы понимаете под складом? Впрочем, женат я был всегда, сколько себя помню, и счастлив в браках.

– Если вы были счастливы в первом, зачем понадобились другие?

– Счастье тоже бывает разным.

– Как мечта?

– Мечта – это... А у вас хорошая память.

– Спасибо за чай. Мне пора. Ещё раз хочу отметить, что очень вам признательна.

– В следующий раз предупредите меня заранее.

– Объективная реальность покажет. Не провожайте меня.

Третий понедельник

Я не верю в приметы и совпадения; честно признаться, я вообще мало во что верю. Но когда через неделю во внеурочное время раздался звонок в дверь, тень сомнения легла на мои жизненные установки. Открывая, я не сомневался, что снова увижу мою новую знакомую. Она вошла нетвёрдой походкой, вежливо поздоровалась и напрямик направилась к дивану.

– Я очень устала. Можно немного передохнуть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.